

Лукаш Андрей
Евгеньевич

Микромемуары мудрого
майора

МЕНТОВСКИЕ ИСТОРИИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Лукаш

Микромемуары мудрого майора

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Лукаш А. Е.

Микромемуары мудрого майора / А. Е. Лукаш — «ЛитРес:
Самиздат», 2014

Эта книга — не совсем мемуары. В основе каждого рассказа есть реальные персонажи, повстречавшиеся на жизненном пути автора сего произведения, и реальные события, произошедшие с ним. Процент правды и вымысла каждый читатель соотнесёт согласно своим представлениям о деятельности милиции (да, в то время автор жил и работал) и своим убеждениям. Доля юмора и сарказма присутствует, поскольку без этих специй автор не творит. Приятного аппетита! Содержит нецензурную брань.

«Сослагательное наклонение»

*«Кем работать мне тогда,
чем заниматься?»*

В.В. Маяковский «Кем быть?»

«Куда поступать после окончания школы?» – такого вопроса перед Андреем не возникло. Ещё учась в одиннадцатом классе, он проходил обучение на подготовительных курсах для поступления в Военный институт, на вертолётчика. Прямо около дома, где жил Андрей, на обочине автодороги, на металлическом основании высотой около десяти метров был установлен военный вертолет МИ-24, словно намекая на захватывающую карьеру вертолётчика. На курсах проходили углубленное изучение физики и математики, да и класс, где учился Андрей в средней общеобразовательной школе, был также с физико-математическим уклоном. Таким образом, были все предпосылки к поступлению в военный институт, было и желание. Оставалось только успешно сдать экзамены (в случае высоких оценок по итогам экзаменов на подготовительных курсах, происходило автоматическое зачисление в институт), и пройти медкомиссию. С первым вопросов не возникало, все экзамены были сданы на «пятёрки». А вот медкомиссия...

С детства у Андрея были приступы «морской болезни» на судах (а как же, название обязывает), автотранспорте и всяческих качелях-каруселях. Последнее обстоятельство особенно огорчительно – пока все дети, кружась и раскачиваясь на аттракционе, визжали от удовольствия и испытывали только радость и положительные эмоции, Андрей в лучшем случае стоял на твёрдой земле и молча завидовал. В худшем – раскачивался вместе со всеми, испытывая сильное головокружение и рвотные позывы. Тут было уже не до удовольствия, он просто терпел, желая, чтобы пытка поскорее закончилась. После окончания экзекуции, все дети радостно обсуждали впечатления от аттракционов, Андрей же, держался за свободную вертикальную опору и пытался сохранить равновесие и содержимое желудка. В радостные обсуждения не вступал, опасаясь раньше времени открыть рот и пытался улыбаться. Со стороны могло показаться, что Андрей не улыбается, а мучается, что и было истинной правдой.

На медкомиссии, при поступлении в военное училище, победить природу не удалось; доктор по достоинству оценила позеленевшее лицо и «блуждающие» глаза Андрея после десятка кругов на «ЛОР-стуле» и написала карандашом в медкнижке «не годен». Запись карандашом была сделана потому, что оставалась возможность решить вопрос с недомоганием нехитрым способом. Нет, не провести трансплантацию внутреннего уха и мозжечка, или ещё какие медицинские манипуляции. Такие вопросы решаются один на один, и об этом не принято говорить вслух при посторонних. Коррупцию в России не победить. Андрей тогда ещё не был ярым борцом с коррупцией, но подумал, что все пять лет обучения на лётчика, он будет мучиться от «морской болезни», а потом ещё и летать на «железной стрекозе», что чревато не только уничтожением военного имущества, но и человеческими жертвами среди личного состава.

В связи с чем, военком предложил перевести документы в другой ВУЗ Министерства Обороны, и Андрей выбрал Ульяновский институт связистов. В канун наступления века электроники и компьютерных технологий, это было актуально, да и профессия востребована. Так Андрей оказался в палаточном лагере (вблизи села Солдатская Ташла) для поступающих в данный ВУЗ. Первый же экзамен (по математике) он с треском провалил. И доказать, что «икс» стремится к «бесконечности», а не к «единице», он очкастой тётке объяснить не смог. Результаты экзаменов в школе и на курсах, где «икс» стремился именно в ту сторону, а не в другую, здесь роли не играли. Оказалось всё банально просто – «икс» стремится в сторону денег, и чем сумма больше, тем увереннее и быстрее стремится в эту сторону «икс». В этом он убедился на

следующий день после получения «банана» по математике. Неудачников и тупиц выстроили в три шеренги, Андрей стоял, согласно ранжира, в последних рядах. Капитан что-то бубнил, Андрей в это время думал, как ему добраться до автовокзала и через какое время он будет дома. Вдруг он услышал окончание фразы капитана: «...или все считают, что получили двойки обоснованно?»

«А что толку, что я считаю? Кому я что докажу?» – проворчал про себя Андрей.

Тут товарищ слева толкнул его локтем в бок: – Ты же умный, может, они ошиблись и перепутали работы? Выйди, вдруг поступишь?

«А что я теряю? Ещё одни сутки на природе поживу, солдатской каши поем. А вдруг, действительно произошла ошибка. Два раза сдавал математику на «пять», а здесь «двойка».

И вышел из строя. Был бы «Электроником», умер бы. А тут – просто шагнул на пять шагов вперёд (пространство позволяло, да и Устав ещё не знал), и развернулся перед строем.

– Больше смелых нет? Или домой уже захотели? – спрашивал капитан со списком в руках.

Из строя медленно и опасно вышел высокий прыщавый доходяга в очках. За ним, также несмело, еще три-четыре абитуриента. Больше «смелых» не нашлось. Вечером того же дня к палаточному лагерю подъехал большой чёрный внедорожник, из которого вышел высокий субъект лет сорока пяти с чёрным чемоданчиком в руке. К нему подошёл долговязый «лузер» (вышедший из строя вслед за Андреем), и их сходство стало очевидным.

«Папаша выручать сыночка приехал» – подумал Андрей. И оказался прав. Потому что папаша вошёл в палатку, где находилась приемная комиссия, с чемоданчиком, а вышел без него...

В работе Андрея, «икс» остался на своем месте, у долговязого же, устремился, куда надо. Очевидно, папаша придал «иксу» ускорение. Андрей собрал сумку, пожелал удачи оставшимся соискателям вакансии курсанта, а сам отправился на автобусную остановку. Его догнал долговязый.

– Спасибо тебе, – пожал он руку Андрею и долго тряс её.

– За что?

– Если бы ты не вышел, я бы один побоялся из строя выйти. Оказалось, мою работу перепутали, и я получил «четвёрку», а не «двойку»

«Был бы у папы не чемоданчик, а баул, получил бы и «пять», – подумал Андрей, а вслух сказал:

– Рад, что хоть кому-то помог. А у меня «икс» стремится не в ту сторону. Удачи.

Приехав в свой город, Андрей решил поступать в политехнический институт, там тоже физику и математику сдавать надо было. Математику, кстати, сдал на «пять» (О чудо!!! Знания вернулись ко мне!!), а при входе в кабинет на следующий экзамен, по физике, встретил преподавательницу с курсов, Алевтину Петровну.

– Здравствуй, Андрей! А что ты тут делаешь?

– Здравствуйте, Алевтина Петровна! Как видите, ни лётчика, ни связиста из меня не получилось. Может, инженером стану.

– Если будут вопросы по задачам, отпросись в туалет, а листок оставь мне. Я помогу.

– Спасибо Вам, я попробую сам.

– Ну, смотри. Если что, я помогу.

Первые три задачи Андрей решил легко, четвёртая вызвала сомнения, и он долго над ней думал. Потом, все-таки, нашёл решение... Пятую решил оставить Алевтине Петровне, и, по её совету, положив лист с ответами перед ней на стол, вышел в туалет. Вернувшись, обнаружил на листе решённую задачу №5.

На следующий день огласили оценки. По физике он получил четверку. Неплохо, но на бюджетное место нужно было сдать оба экзамена на «пять». Подошла Алевтина Петровна.

– Андрей, что же ты мне одну задачу оставил? Я бы все тебе решила. Теперь уже ничего не сделать. Ты сделал в четвертой задаче ошибку, а я не посмотрела, не проверила.

– Значит, не судьба. Видимо, и инженером мне не быть. Спасибо Вам за помощь.

Времени попытаться поступить в другой институт, уже не было; документы принимали только в учебные заведения среднего профессионального образования – колледжи, техникумы и лицеи. Андрей решил поступать в политехнический техникум, где открылась специальность «правоведение». В конце 90-х, практически все учебные заведения стали обучать юристов и экономистов, которые в итоге в таком количестве и не были нужны. «Почему бы мне юристом не стать?» – подумал тогда Андрей, неся документы в техникум.

Но, за неделю до экзаменов, нужно было срочно «перековаться» из «физиков» в «лирики» или из «технарей» в «гуманитарию». Поскольку знания истории из школьной программы ещё не выветрились из головы, осталось только повторить пройденное. Правда, за весь курс, начиная с восстания Древлян. Этот курс дался, относительно легко...

Пока все одноклассники (кто поступил, куда хотел, или кто не хотел даже поступать, и готовился к срочной службе) весело проводили время на пляжах и других интересных местах, Андрей лежал на узком диване лоджии и штудировал учебник по истории. В эти три дня непосильной учёбы (да, Андрей читает быстро, но и быстро ему всё надоедает) к маме пришла подруга, тётя Люда.

– Всё, что ни делается, Андрюш, всё, к лучшему! – сказала она.

«История покажет», – не улыбаясь усмехнулся Андрей.

На вступительные экзамены по истории, Андрей надел пиджак с «выпускного». Так как перед «выпускным» он долго искал эксклюзивный пиджак, то считал, что этот экземпляр – единственный. И сильно удивился, увидев подошедшего к нему парня в точно таком же пиджаке, только на несколько размеров побольше.

– Лёха, – пожал, внезапно, ему руку «пиджак-близнец»

– Андрей.

– Экзамен пришел сдавать?

– Нет, просто дома скучно одному стало, а здесь девчонок много симпатичных.

– Да, девчонки тут хорошие. Ни пуха, – пожал ещё раз руку Лёха, когда Андрей открывал дверь в кабинет.

– Ты окончишь техникум с красным дипломом, у тебя голова светлая, – сказала преподавательница по истории, Валентина Сергеевна, после ответа Андрея.

– Вам виднее, – ответил Андрей и вышел из кабинета.

«Два пиджака – пара», – решили Андрей и Лёха, успешно сдав экзамены, и сели за одну парту. Лёха, в техникуме тоже оказался, как и Андрей, не благодаря, а вопреки. Потому что не поступил в «школу милиции» (ВУЗ МВД), с русским языком были проблемы. Все два года обучения в техникуме, Лёха агитировал Андрея поступать в «школу милиции». Во время обучения и нахождения с Лёхой за одной партией, правым ухом Андрей волей-неволей впитывал информацию: «двадцать лет службы – и на пенсию... Офицером будешь через два года... Полное государственное обеспечение...».

Ростом в 166 см. и весом 63 кг, Андрей не был похож ни на дядю Стёпу, ни даже на участкового Анискина. Разве что, на комиссара Коломбо в мятом плаще. Но Лёха уговорил-таки Андрея поступать в ВУЗ МВД. Ещё и на экранах телевизора стали показывать телесериал «Улицы разбитых фонарей», где бравые опера побеждали преступность легко и героически. Автором сценария был тёзка – Андрей Кивинов, сам отслуживший в этой «системе» доста-

точно «годков», и сомневаться в достоверности происходящего на экране, Андрей даже не думал.

Преподавательнице Валентине Сергеевне, действительно, было виднее, и Андрей закончил техникум с красным дипломом. Вместе с дипломом, по окончании, выдали и деньги, аж тысячу рублей. Немалая сумма, учитывая, что размер повышенной стипендии составлял восемьдесят пять рублей. Собрав сумку, Андрей сказал матери, что поедет поступать в институт, и поехал в Самару. Сказал также, что если поступит, то приедет не раньше середины сентября. А если раньше, то... не судьба. Где он будет ночевать и жить во время экзаменов, он не думал и наивно полагал, что в Управлении внутренних дел с радостью обеспечат жильём будущего офицера и коллегу. В отделе кадров Андрея, естественно, никто не ждал и не собирался абитуриента («не факт, что поступишь») обеспечивать «халаявным» жильём. Однако, провинциальная наивность в стиле Фроси Бурлаковой, возымела на начальника отдела кадров воздействие, и тот вспомнил, что учебный центр Управления пустует. В данном центре обычно проводились сборы, семинары для руководителей служб и подразделений, курсы повышения квалификации и т.д. Обычная общага, только с актовым залом, несколькими учебными классами и спортплощадкой во дворе.

Поскольку Андрей окончил техникум с красным дипломом, поступал он на льготных условиях. В случае сдачи экзамена по истории на «пять» и физподготовки на положительную оценку (хотя бы «тройку»), русский язык и обществознание сдавать не было необходимости. Если же оценка по истории будет менее «пятерки», то прибавляются и эти два предмета. С русским языком у Андрея никогда проблем не было, в отличие от Лёхи, а о втором предмете он имел весьма смутное представление, и сдавать этот предмет особого желания не имел.

Взяв с собой всё тот же учебник по истории, с помощью которого он поступал в техникум, Андрей собирался за пять дней вспомнить весь курс и освежить в памяти события давно минувших дней. Но тут на пороге возник Лёха. Тот прошёл «дорожкой» Андрея и «кадры» направили его в этот же учебный центр.

– Чуваааааааа!!! – улыбался во весь рот Лёха. Недавно вышел комедийный фильм «Не грози Южному централу...», и тема приветствия ниггеров была в ходу. – Как же я тебя брошу?!

Через некоторое время к ним присоединился Женёк Макаров (будущий коллега Андрея по работе в ЛОВД), поэтому на три дня изучение исторических событий и становление Руси пришлось оставить. Вблизи учебного центра располагался парк с аллеями, скамейками и кафешками, было тепло и солнечно...

Когда до экзамена оставалось два дня, Андрей понял, что толстенный учебник ему не успеть осилить. Пролистать можно, но запомнить – вряд ли. Или в голове будет «каша» – Дмитрий Донской будет плечом к плечу сражаться вместе с Кутузовым на Курской дуге против тевтонцев. Поэтому он открыл учебник ровно посередине, примерно на периоде правления Петра Первого. «Половина учебника, это 50/50 шансов на успех. Первый вопрос билета, обычно – из древней истории, второй из новейшей», – решил Андрей. Угадал он, в итоге, правильно.

Из «краснодипломников» и «медалистов» сформировали отдельный взвод, и абитуриенты пришли к двери кабинета, где должен проходить экзамен по истории. В конце коридора стояли преподы из приемной комиссии и какой-то «пиджак». В толпе абитуриентов парень с круглым лицом (как оказалось, из Мордовии), возмущенно объяснял абитуриентам (непонятно только, зачем), что ему прислали вопросы для подготовки к экзамену по Конституционному праву, а тут, оказывается, историю сдавать надо. Именно по этой причине из МВД Мордовии прибыл министр МВД («ой, трындишь, круглолицый, ой заливаешь!»), чтобы разобраться в инциденте. Указывал круглолицый, на того дядьку в пиджаке. Дядька оказался действительно по этому поводу (но не министр, конечно, просто инспектор отдела кадров), присутствовал при сдаче экзамена среди членов комиссии.

Андрей и Женёк попали в первую пятёрку, вместе с тем абитуриентом из Мордовии, по фамилии Бикалов. «Странно... Что ты так перепугался экзамена по истории? Только что школу закончил, да ещё и с медалью», – глядя на круглолицего, думал Андрей. Бикалов отвечал первым.

На вопрос: «Назовите художников восемнадцатого века», тот, не задумываясь, выпалил: «Серов, Перов, Рублев».

Услышав ответ, преподавательница поперхнулась, ручка выпала из руки на стол. Она посмотрела на коллег, но те тоже были в шоке от услышанного. Один «пиджак» невозмутимо что-то чертил в блокноте.

– Серов родился в девятнадцатом веке, Перов творил в том же веке, а от Рублева костей уже на тот момент не осталось, он творил в пятнадцатом веке, – пояснила преподавательница.

– Я других художников не помню, – также невозмутимо провозгласил медалист, глядя на «пиджака».

Тот оглядел членов комиссии, и, как ни в чём не бывало, произнёс: «Давайте, перейдём к следующему вопросу». Однако, следующие вопросы, знаний по истории у абитуриента Бикалова не выявили. Он нёс полнейшую чушь, складывалось впечатление, что историю в школе он проходил буквально пешком. То есть, мимо кабинета, где краем уха слышал какие-то даты, события и фамилии. А медаль, наверное, ему подарил папа на «выпускной». Преподаватели с унылым видом слушали его бред, их было жалко. Ведь ему ещё и «пять» поставить надо, «пиджак» – то не просто так сидит.

Первый вопрос у Андрея был: «Внешняя и внутренняя политика Ивана Грозного». Обнаружив на столе контурные карты, он понял, что шансы есть. Красными стрелками обозначались направления движения русских войск, даты – взятие городов. Чёрные, соответственно – враги и супостаты. Согласно этим сведениям, Андрей и начал свою «повесть временных лет» ...

– Вижу, контурными картами вы пользоваться умеете, – улыбнулась преподавательница. Видимо, на фоне ответов Бикалова, рассказ Андрея вселял надежду, что историю хоть кто-то изучал. – Расскажите, как Иван Грозный Астрахань брал?

Андрей вспомнил комедию «Иван Васильевич меняет профессию».

«Казань брал, Астрахань брал. Шпака – не брал», – говаривал государь.

«В этом вопросе какой-то подвох», – думал Андрей. Но в памяти, история о взятии этого Волжского города Иваном Грозным, почему-то не всплывала.

– Наши доблестные войска осадили город-крепость, потом взяли штурмом, – наугад начал Андрей.

– Вы, наверное, забыли, да? Понятное дело, волнуетесь, – посочувствовала преподавательница и сама ответила за него. Дело оказалось в том, что после объявления войны остаткам на тот момент раздробленной Орды, те ожидали русские войска и были готовы к штурму. Но когда татаро-монголы на горизонте увидели огромное количество всадников, удрали из города, оставив его. А это был караван русских купцов, возвращавшихся по шёлковому пути обратно на Родину. Купцы, конечно, были рады пополнить бесплатно запасы воды и продовольствия, и уехали дальше. Так, город-крепость Астрахань, на несколько дней, совершенно без жертв с нашей стороны, стал русским. Потом, конечно, ордынцы вернулись, и Астрахань гораздо позже была окончательно присоединена к Руси, но впервые русские взяли город без боя.

– Расскажите тогда, как Иван Грозный Казань брал, – снова заставила вспомнить известную комедию преподавательница.

«Тут тоже, какая-то история, не иначе», – подумал Андрей, но кроме доблестных воинов, осадивших и штурмовавших, ничего вспомнить не мог.

Шансы получить «пять» стремительно таяли. Однако, то-ли рассказ Андрея чем-то понравился преподавательнице, то ли Бикалов утомил её своими «опусами», но она решила ему помочь.

– Они сделали подкоп под стену...
– И проникли в город, захватив его, – перебил Андрей, «тыкая пальцем в небо».
– Нет. Они сделали подкоп, и заложили под стену...
– Динамит, – снова «ляпнул» Андрей, уподобляясь Бикалову.
– Нет. Альфред Нобель ещё через несколько веков родится.
– Порох, – сделал Андрей последнюю попытку угадать ответ.
– Правильно. Вот ведь, знаете, а путаетесь. Это понятно, волнение. Вы успокойтесь, расслабьтесь.

«Экзамен сдам, обязательно расслаблюсь», – подумал Андрей, но на следующем вопросе уже не сбивался и расслабленно вёл беседу, как со старым приятелем. Вопрос был о внутренней и внешней политике Н.С. Хрущева. Сведения Андрей почерпнул, в основном, благодаря просмотру телевизионных публицистических передач, нежели прочтению книг. «Окукурузивание, строительство доступного жилья, выступление на трибуне ООН с ботинком в руке...».

В общем, на втором вопросе, Андрей показал все свои знания, да ещё и прибавил кое-что от себя, уже ведя беседу о политике в целом. Все преподаватели слушали внимательно, перешёптывались и одобрительно кивали. «Пиджак» сидел с безразличным видом, его миссия была выполнена, оставалось дожидаться оценок, и главное, чтобы у Бикалова была «пятерка».

«50/50», – думал Андрей, выходя из кабинета. – «Интересно, что за предмет – общественное?»

Женёк вышел через семнадцать минут.

– На первый вопрос что-то затупил. Наверное, не больше «четверки» получу, – сказал он Андрею.

– Такая же фигня. Иван Грозный попался, я лет восемь назад эту тему по истории изучал. Тыкал пальцем в небо.

– Бикалов – «пять», – огласила на следующий день оценки представитель приемной комиссии.

– Тогда мне «двенадцать» надо ставить, – сказал Андрей Женьку. – Ты слышал, как он тупил?

– Да, такой бред нёс... Я думал, что он историю вообще не изучал.

Как оказалось, все абитуриенты, присутствующие в классе при ответе Бикалова, получили пятёрки. Наверное, чтобы не последовало новых скандалов. Мало ли, какие родители и связи у этих юнцов? У Андрея же, никого в роду из милицейских чинов не было, связей и денег тоже. Поехал за знаниями, в институт поступать, как Ломоносов за рыбным обозом.

Оставалось сдать физкультуру, но в этом Андрей проблем не видел. Василий Петрович (лучший педагог, без всяких «Пеликанов») в школе заложил такую «базу», что ни стометровка, ни кросс в три километра, проблем не представляли. Подтягивался Андрей более двадцати раз, так что четырнадцать – это ерунда. Он взял две пары кроссовок – одна с твёрдой резиновой подошвой (для бега на стометровке по резиновой дорожке), вторая – с мягкой, и глубоким протектором (для кросса по песку и грунту), то есть думал, что всё предусмотрел. Накануне он, не торопясь, пробежал всю дистанцию кросса, чтобы знать, где можно экономить силы при спуске, а где прибавить и «выложиться» перед финишем. Оказалось, предусмотрел он не всё. Погодой управлять он ещё не умел. С вечера пошел сильный дождь. Ну, прямо ливень. И совсем некстати. И шёл всю ночь. Наутро Андрей увидел, что в резиновых квадратах стометровки образовались небольшие лужицы. Сначала он значения этому не придавал, но когда прозвучала команда: «Марш!», стал буксовать по мокрой резине, аки та корова на льду. После толчка товарищей в спину, придавшего ему некоторое ускорение, он пошлёпал к финишу, разбрызгивая капли вчерашнего циклона с «переменной облачностью».

Женёк финишировал впереди примерно на метр. Для стометровки это непростительно много. «Ёперный театр. Историю, благодаря Бикалову, сдал. А тут, дождь помешал», – сокрушался Андрей. Находящиеся на финише физруки (их позже прозвали Чип и Дейл), не объявляли результат, лишь спрашивали фамилию. Когда Андрей назвал свою, они переглянулись и один из них многозначительно поднял брови:

– Ты из какого города?

Когда Андрей ответил, физрук что-то пометил в блокноте, кивнул Андрею и сказал:

– Встать в строй.

Подтянулся Андрей двадцать два раза (не рекорд, но Чип и Дейл одобрительно закивали), на кросс решил потратить все силы, но пробежать достойно. Женёк стартовал первым, на десять секунд раньше него, и, начав бег, включил секундомер на часах. Андрей в пути обогнал его, и когда, после финиша, Женёк сел рядом, тяжело дыша, то остановил секундомер. Оказалось, Женёк побил свой рекорд, Андрей, соответственно, прибежал ещё быстрее. Однако, «2+5+5» только в арифметике дают «четыре», при поступлении в институт все дисциплины на «физре» должны быть не ниже «тройки».

Когда ехали с Женьком обратно в учебный центр, Андрей стоял в салоне автобуса, держась за поручень и шатаясь. Он действительно отдал все силы на кросс и чудовищно устал. В отражении на стекле на него смотрело зелёное лицо с «мешками» под глазами.

– Садитесь, пожалуйста, – ему уступила место девушка лет семнадцати.

Андрей поблагодарил её и рухнул в кресло. «Наверное, ей на следующей остановке выходить», – решил он. Обнаружив через четыре остановки ту же девушку рядом с собой, с сожалением понял, что выглядит он ещё хуже, чем думал. Прямо, отвратительно, если девушка, моложе его, уступает ему место. Женёк то, тоже стоит, и никто его не жалеет, место не уступает.

Как оказалось на следующий день, Андрей получил итоговую оценку «четыре» по физре. «Или тут всё-таки считают, как в арифметике, или Женёк побил мировой рекорд на стометровке», – размышлял он. Но, как оказалось, он не угадал, был и третий вариант.

Экзамены были успешно сданы, и Андрей зачислен на первый «б» курс. На занятиях по физподготовке, Чип и Дейл стояли в центре спортзала с журналом и выборочно вызывали курсантов по фамилии, после чего они о чём-то беседовали. Когда вызвали Андрея, он подошел к ним, и его спросили:

– Как там Владимир Петрович поживает?

И тут Андрей понял, в чём дело. Его фамилия была не столь распространена в России, как, например, Кузнецов или Васильев. В его городе, с населением в двести тысяч человек, был один однофамилец. Мама Андрея в советские времена дежурила от завода в качестве дружинника в участковом пункте милиции. И сотрудники милиции часто спрашивали её, не сестра ли она Владимиру Петровичу. Тот был начальником БХСС в милиции, но родственником ей не являлся. Как она ни объясняла, что фамилия у нее от мужа, и Владимира Петровича она не знает, все думали, что она просто стесняется. Андрей перед поступлением случайно узнал, что Владимир Петрович вышел на пенсию и занимает должность в Администрации. Эту информацию он и сообщил физрукам. О том, что родственником он Владимиру Петровичу не является, Андрей умолчал. Да его и не спрашивали, а на вопрос физруков, он ответил.

– Мы с ним в Афгане «срочку» служили, – сообщил один из физруков. – Будешь в увольнении, привет передавай.

– Хорошо, передам.

После зачисления в институт, предстоял ещё «курс молодого бойца» (КМБ). Очевидно, армейские традиции здесь тоже чтут, даже название новое не придумали. Андрей не привыкал

к еде – после работы на комбайне летом 1993 и 94 годов (когда заработал за сезон аж миллион рублей), ел любую кашу, даже перловую. Конечно, в колхозе кашу варили вкуснее (поваром была тётя Люба), но и эта пища была съедобная. Хотя, качество институтской еды, оставляло желать лучшего, да и еды катастрофически не хватало, так как физические нагрузки были ежедневными, а порции лилипутскими.

На пятый день КМБ (прошло две недели с момента убийства Андрея из родного дома для поступления), был запланирован маршбросок, точнее, кросс в десять километров. По сравнению с армией, конечно, были значительные послабления – разрешили бежать в кроссовках, да и боевой выкладки (и вообще какой-либо нагрузки) не было. Но бежали согласно правилам, повзводно, то есть время финиша фиксировалось по последнему курсанту, пересёкшему условную финишную черту. Вот здесь и выяснилось, кто поступал сам, а кого «поступили». Были во взводе курсанты и с лишним весом, и доходяги. Трёх пришлось нести на плечах, ибо немощные «мажоры» остались без поддержки «папиков» и на ногах не держались. Андрей никого на плечах не нёс, но тоже изрядно устал. Меньше, чем на кроссе в три км. при поступлении, но тоже вымотался.

Когда бегуны приплелись в столовую и расселись за столы, стали уплетать пшённую кашу. От кросса у Андрея жгло лёгкие, слюна была вязкой и тягучей. Есть кашу, да и вообще, что-либо, не хотелось, и он попивал приторно сладкий до тошноты чай, ковыряясь ложкой в тарелке с кашей. Здоровяк Тухтаров аппетита не потерял и отправлял кашу, ложку за ложкой, в рот. Андрей заметил в жёлтой пшеничной каше среди крупинок, чёрные точки в конце белых зёрен риса.

«Каша же пшённая в меню? Рис здесь откуда? Или это каша «Дружба?», – удивился он.

Это был не рис. Обычные червячки, похожие на те, что живут в сливах, яблоках, и прочих фруктах-ягодах. Видимо, в крупе живут похожие.

– Тухтар, нравится каша с мясом? – спросил он у соседа справа.

– Откуда здесь мясо? За пять дней в супе даже не видел, – резонно ответил гигант, не прерывая процесс поглощения подозрительной субстанции. Остальные за столом, впрочем, ели также с аппетитом. Только у Андрея его не было, а уж после увиденного, вряд ли появился бы.

– Подожди, не торопись, – удержал Андрей его руку с ложкой. И показал в своей тарелке червячков. У Тухтара были такие же. И у всех за столом. Да что там, у всех в столовой. Бачки-то с одним содержимым.

– Суки! Червями кормят! – возмутился Тухтар, стукнув по столу кулаком размером с голову Андрея. Стаканы с чаем подпрыгнули и упали на бок, выливая содержимое. С соседних столов на шум обернулись несколько курсантов.

– Я наелся, – сказал Андрей и перевернул тарелку с нетронутой кашей вверх дном на стол.

Так как он вчера был назначен командиром отделения, его примеру последовали и другие. Без приказа, просто тоже возмутились. «Раз командиру можно, мы тоже можем высказать свой протест». Кто-то выплевывал недожёванную кашу на пол, кого-то, из более впечатлительных, вырвало. На пол полетели кружки и тарелки (благо, все из пластика), покатались металлические чайники. Столы вмиг переместились вместе с лавками и заняли произвольные места в помещении столовой. Только потолок остался почти в том же состоянии, что и был до прихода курсантов. А белки, жиры и углеводы заняли всё остальное пространство. Срач устроили невероятный, шума тоже наделали много. Андрей был из простой семьи и поступал в институт сам, да и к еде любой привык, разве что без червей. А эти «папенькины» сынки горели праведным гневом – мол, такие деньжищи отвалили, чтобы поступить, а нас кормят хуже, чем свиней.

На шум прибежал майор, всех выстроил вдоль стены.

– Кто начал погром? – грозно вопрошал он, не надеясь особо, что выдадут виновника и зачинщика этих беспорядков.

– Это он, – указала какая-то жаба в прыщах на Андрея.

«Какого ху... дожника потеряла Россия?!», – возмутился про себя Андрей. – «Тебе больше всех надо? Сцуко, сам тарелку о стену швырнул, а убираться не хочешь. Запомнил я тебя, пучеглазый».

Зачинщик со своим отделением принялись убирать следы Большого Срача.

– Нас на губу посадят? – спросил Тухтар.

– Здесь нет губы. Пару нарядов, может, влепят, – ответил Командир Беспорядков, собирая в пластиковый ящик, пластиковую же, посуду.

Однако, не было бы счастья, да несчастье помогло. Несмотря на отсутствие мобильной связи, история с червями почти мгновенно выплыла наружу. Обеспокоенные папы и мамы, а также прочие высокопоставленные родственники (были среди курсантов и генеральские родственники), заполнили пространство перед КПП дорогими иномарками. Их обеспокоенность понятна – мало того, что потрачены немалые средства на «поступление» дитяти, да ещё и здоровье чада под угрозой. Хотя, на взгляд Андрея, черви были безобидным и дополнительным источником белка. Неприятно, конечно, но не смертельно. Пять дней их кормили тем же, и никто, кроме него этого не заметил.

Скандал грозил перерасти в уголовное дело и снятие руководства института с должности. «Ну и кашу я заварил», – думал Андрей. Его с командой не «порадовали» внеочередным нарядом. Дабы избежать дальнейшего скандала, всех отпустили по домам. Да и кормить курсантов уже было нечем и негде – столовую закрыли многочисленные, понаехавшие по жалобам родителей, комиссии. Начпрод сняли с должности, ходили слухи, что и посадили. Оказалось, начпрод «смошенничал», и под видом качественной крупы, приобрел за бесценок червивую «пшёнку», списанную в одной из военных частей. Так что, сам того не желая, Андрей отправил двести тридцать новоиспеченных курсантов в незапланированный отпуск за две недели до присяги. К этому времени должны были решить вопрос со снабжением продуктами столовой к началу учебного года.

– Не поступил? – спросила мама, увидев Андрея на пороге раньше обещанного им срока.

– Мам, я же в милицейской форме. Поступил. Просто червями стали кормить, и я всех отпустил по домам.

«История не знает сослагательного наклонения», – думал позже Андрей. Если бы не «морская болезнь», был бы Андрей лёгчиком; не поскромничал бы и передал Алевтине Петровне для решения две задачи вместо одной – инженером; одень другой пиджак – не встретил бы Лёху и не думал о карьере милиционера. Да и в случаях с экзаменами, Бикалов и однофамилец оказались кстати. У каждого в жизни бывают ситуации, когда «если бы...», то жизнь сложилась бы именно так, а не иначе. И у Андрея впоследствии было немало таких ситуаций, в корне меняющих его дальнейшую судьбу. А может, и ещё будет...

«Лень и Пенолюкс»

Увольнения в институте МВД, где обучался Андрей, были не столь редкими, как в армии при прохождении срочной службы, но и не так часто удавалось в них побывать, как хотелось. Каждый курсант, конечно же, хотел бы проводить дома каждые выходные, но ведь кому-то надо и службу нести. Всеобщие увольнения случались в период каникул и майских праздников. А обычные увольнения случались примерно раз в два месяца, наиболее же достойным выпадала честь сходить во внеочередное увольнение за совершение какого-либо подвига.

Андрей подвигов не совершал (не Геракл, всё-таки, и не Супермен) и отдыхал от казарменного быта и надоевших лиц, а также угощался мамиными пирожками с такой же частотой, как и все. Приезжать из увольнения надо было к утреннему разводу, не позже 08.00 ч., поэтому на первую утреннюю электричку приходилось вставать очень рано (около 02.00ч.), а лучше вообще спать не ложиться. В электричке, обычно поспать не удавалось, поэтому в ночь перед приездом в институт, он практически не спал.

В этот раз, по приезду из «увала» в казарму, он также не выспался. Ну и ладно, лекции можно перетерпеть, а на самоподготовке – шапку под голову, и баю-бай. Обычно, в понедельник, в классе для самоподготовки стояла мёртвая тишина – высыпались все. И кто был в увольнении, и кому просто не хватило времени выспаться ночью. А спать курсанту хочется всегда. Однако, отоспаться Андрею не удалось. Сразу после утреннего развода, заместитель командира взвода Кирьянов (или просто «замок Кирюша»), «обрадовал» Андрея, что тот сегодня дежурит по курсу. Изначально в графике дежурств Андрея не было, но Кирюша что-то невразумительно мычал про «распоряжение начальника и его личное изменение графика», типа, он сам тут не причём.

«Как всегда, тряндит», – подумал Андрей. – «Похоже, землячки опять откупились от дежурств, как и покупали увольнения, вот он и прикрывается начальником».

Неизвестно, по каким причинам Кирюшу назначили «замком», но предоставленной ему властью тот пользовался с удовольствием и извлекал из этого свои дивиденды. В увольнение чаще всего ходили курсанты-земляки Кирюши из числа «мажоров». Папаши забирали сынков на больших внедорожниках (хороший понт – дороже денег), а остальные молча завидовали. У Кирюши родители не обладали такими средствами и возможностями, вот он и «дружил» с «мажорами». Им – увольнение и освобождение от нарядов и дежурств, ему – что-то более материальное, чем «спасибо, дружище».

«Хрен с тобой, утырок. Схожу в наряд. Лучше подежурить, чем тебе жопу лизать или выкупать у тебя «увалы», – думал Андрей, собираясь отдохнуть после обеда, перед заступлением на суточное дежурство. Андрей был командиром отделения, поэтому ему предстояло дежурить по курсу в качестве дежурного, вместе с двумя дневальными. Согласно «Кирюшиного» графика, в его отделении очередь дежурить выпала шестнадцатилетнему Боброву и девятнадцатилетнему Круткову. «С ними проблем не будет», – решил Андрей. – «Уберут быстро и чисто, и гонять не придется».

Перед заступлением поспать тоже не удалось, так как их взвод располагался не в «кубриках», как другие три взвода, а на «взлетке», то есть, фактически, в коридоре. Постоянно звонил телефон с тумбочки дневального (она была огорожена стендом с информацией и не являлась препятствием для звуков), сами дневальные оралы постоянно друг другу, находясь в разных концах коридора. Дежурный с тумбы тоже орал, причём им обоим.

Так как дневальные были из своего отделения, Андрей решил вздремнуть попозже, ночью. После отбоя Коля Крутков и Женя Бобров подбросили монетку, решая, кому мыть туалет и «умывалку», а кому «взлетку». Мыть кафельные чертоги выпало Боброву, и он со вздохом направился выполнять не очень чистую работу. Пока Крутков драил «взлетку» (главное – стереть «чиркаши» от подошв берцев), Андрей стоял на тумбе. После окончания уборки, Андрей проверил чистоту, всё было чисто. Не как в операционной, конечно, но и не хуже, чем обычно у других. Оснований для недовольства начальника курса подполковника Дубинина они не представляли.

Дневальные опять подбросили монетку, решая, кто будет в какой очередности спать. Обычно дневальные спят по очереди, деля ночь пополам (примерно с 00 до 03, с 03 до 06), дежурный же совсем не спит, бдя за тишиной и спокойствием на курсе и охраняя чуткий сон товарищей. Можно почитать книгу или разгадать кроссворд, поковырять в носу и даже (О нет! Это же злостное нарушение!!!) поспать. Но всё это можно делать втихаря, чтобы не «спа-

литься», ибо на тумбе по уставу положено только стоять, тупо уставившись в стену напротив или читать устав внутренней службы, и ничего более, никаких детективов.

Обычно, после уборки, один дневальный идёт отдыхать лёжа (а попросту – спать), второй находится на тумбе. Это не та тумба с ящиками и высотой с полметра и выше (для тех, кто не служил), а постаментик высотой около десяти сантиметров. Дежурный в это время слоняется без дела по коридору, ибо заняться ему ночью решительно нечем. По долгу службы нечем, а остальное под запретом. Когда Крутков проснулся и встал на тумбу, Андрей решил нарушить запрет и самым наглым образом поспать, для чего закрыл на щеколду дверь. Вообще, входа в расположение курса (первый «б» находился на пятом этаже пятиэтажки) было два – один непосредственно напротив тумбы, второй с левого торца коридора. Центральный вход со стороны улицы всегда был открыт, через него обычно все и заходили, включая дежурного по институту, всевозможных начальников и командиров, а также сами курсанты. Второй же вход с улицы открывался редко, так как подъезд был крайний, и идти до него всем было лень. Этот вход использовался начальником курса, ключ от входа у него был всегда с собой.

Колян читал книжку, сидя на стуле перед тумбой. Андрей посмотрел в глазок двери, убедившись, что площадка перед дверью снаружи видна хорошо.

– Колян, я дреману чуток. Если кто будет ломиться в дверь, сначала разбуди меня, потом уже открывай. Хорошо?

– Угу, – пробурчал Колян, не отрываясь от книжки.

«Пусть читает, так хоть не уснет», – подумал Андрей и рухнул в кровать, находящуюся в метре от тумбы, обняв ПР-74 (резиновая палка – символ «власти» и отличительный признак дежурного по курсу от обычных курсантов) и надвинув кепку на глаза.

Ему снились мамины пирожки, летний день на волжском пляже с загорелыми девчонками. Потом – казарма (не кошмары, но так себе картинки) и знакомые лица курсантов. Потом приснилось, что его разбудил дежурный по институту майор Кононенко по прозвищу «Конь». Тот склонился над Андреем и прошептал: «Спишь?». Андрей также тихо ответил: «Сплю». Тот, убаюкивая, продолжил: «ну, спи, спи», и удалился. Потом снился колхоз, уборка зерновых и опять пляж с девочками...

«Курс, подъем!!!» – заорал Колян, и девчонки с пляжем испарились, как вода на песке в летний зной. Андрей встал с кровати, потянулся и понял, что неплохо выспался.

– Колян, прикинь, мне приснилось, что меня Конь будил, – весело начал Андрей, и увидел, что Колян как-то смущённо и виновато улыбнулся.

– Андрюх, это... ну... в общем... Это был не сон.

– В смысле? – Андрей сел на кровать.

– Я читал книгу и задремал на стуле. Когда дверь начали дергать с той стороны и стучать в неё, я спросонья сразу и открыл, забыл, что ты спишь. Конь вошёл, так сразу тебя на кровати и увидел.

– Пипец, я в шоках с тебя, Колян. Подстава подстав

– Ну, извини. Я не хотел, – виновато ответил Колян.

Тот факт, что Конь не объявил сразу Андрею наряд вне очереди, ещё ни о чём не говорил. Может, просто дал ему возможность поспать перед этим самым внеочередным нарядом. Обычно за сон на посту наказание объявляют в виде внеочередного дежурства по курсу. Андрей решил найти Коня и узнать свою судьбу на ближайшие сутки. Оставалась надежда, что Конь – тоже человек... Может и простит.

– Здравля, тц майор! – Андрей нашел Коня в стойле (помещении Дежурной Части).

– Здравствуй, ленивец. Все спишь?

– Я с увольнения прибыл, ночь не спал, вот и вырубил.

– Понимаю, но служба – есть служба. Наряд вне очереди. Доложишь начальнику своего курса, я проверю. Если не доложишь – тогда ещё пять «подарю»

– Понял, – потерял надежду Андрей. – Ршитетьти?

– Иди, курсант.

Андрей доложил о ночном происшествии начальнику курса Дубинину.

– Я снимаю вас с дежурства. Дневальные пусть убираются, а вы можете отдыхать до заступления.

Подполковник Дубинин обращался ко всем курсантам на «вы», даже к наглым «мажорам» и последним двоечникам. Андрей так и не поспал перед дежурством, опять мешали крики и другие шумы. Дежурить предстояло уже не со своими дневальными, а с такими же «залётчиками», то есть теми, кому тоже наряд вне очереди выдали. Обычно, таких заставлять убираться – проблема. Здесь же дела обстояли ещё хуже. Оба были из числа «мажоров» и «пацанчиков с понятиями», то есть, для обоих мыть туалет было «западло». Андрей и не собирался никого уговаривать или угрожать.

– Мне всё равно, будете ли вы убираться или нет. Я только из увольнения. Если объявят ещё пять нарядов, отдежурю. На майские все равно всех отпустят. А вы по два месяца без «увала». Смотрите сами.

«Залётчики» были настолько злостными, что, несмотря на то, что были «мажорами» и родители пытались их забрать на выходные, начальник курса был непреклонен. Видимо, очень сильно насолили они ему. Оба на речь Андрея ответили, что им «пофиг».

– Мне тоже, – ответил Андрей и больше с курсантами Жбякиным и Понторезовым не разговаривал.

Курс жил обычной жизнью – спортивно-массовые мероприятия, ужин, свободное время, умывание и отбой. После «спортмассовых», когда курс убыл на ужин, Андрей зашел в умывальную комнату. Какой-то дебил плохо почистил подошвы «берцев» о металлическую решетку при входе с улицы, и размазал грязь по кафелю. Даже в туалете были следы пребывания грязнули.

«Где он только грязь нашел? На плацу жб плиты, между корпусами асфальт», – удивлялся Андрей.

На линолеуме «взлётки», как показалось Андрею, «чиркашей» также было больше, чем обычно. После отбоя дневальные стали спорить, кому мыть туалет и умывалку. Здравая мысль всё-таки посетила их головы, что начальник завтра будет «раздавать слонов» и увольнения им ещё долго не видать. Однако, каждый из них был не против только помыть «взлётку», но туалет мыть мешали «понятия».

«Дома, видимо, служанки убирали и горничные», – с презрением подумал Андрей, глядя на ругающихся «мажоров». Их препирания грозили перерасти в драку, поэтому Андрей сказал, чтобы оба шли спать, если работать не хотят.

– Всё равно завтра с наряда снимут, если никто из вас не уберет туалет. Ещё три месяца из нарядов вылезать не будем, – «успокоил» их Андрей.

Ему показалось на мгновение, что курсанты задумались над сказанным, однако оба разошлись по кубрикам.

«Видимо, «понятия» сильнее желания побыть в увольнении», – подумал Андрей и взялся за книжку.

– Андрюх, там в умывалке и туалете такой срач... Тебя же с наряда снимут, – сказал подошедший Женек Макаров.

– Впервые на арене цирка – «Человек-Пофиг», – отшутился «дикторским» голосом Андрей. – «Мажоры» никак не решат, кому мыть туалет, не мне же за швабру братья.

– Ну, смотри сам, – посочувствовал Женек.

«Лягу и я спать. Всё равно с наряда снимут, так хоть выплюсь», – решил он, и, закрыв дверь на щеколду, лёг спать на ту же «косячную» кровать возле тумбы. Ночью его никто не тревожил, и он, проснувшись за двадцать минут до подъема, пошёл в умывалку. «Снаряд в

одну воронку не падает. Со сном меня не «спалили». Но хрен редьки не слаще, не за сон, так за срач снимут», – думал он, взирая на подсохшую уже грязь.

Курсовой офицер, капитан Мамонов, был самым нетребовательным и тихим курсовым офицером. Прапорщик Пчельник давно бы сам выписал каждому по наряду, а дневальным бы ещё и съездил по ушам. Мамонов же из своей кельи не выходил ни разу и срача не видел. До прихода Дубинина оставалось три часа, но желания поработать у «залётчиков» Жбьякина и Понторезова, вместе с их пробуждением, не проснулось.

После убытия курса в столовую, а потом и на занятия, оставалось ещё двадцать минут до прихода Дубинина. Осознав-таки, что их ждёт грандиозный звездец, они решили обратиться вдвоём. В виду ограниченности во времени, решили вымыть «взлетку», а туалет после.

– Туалет всё равно не успеете, вчера надо было грязь убирать.

– Чёнть придумаем, – ответили «двое из ларца» и с тем же усердием принялись за работу. И в точности, как те двое из мультфильма, так как работа у них не заладилась. Видимо, в первый раз держали в руках швабру и тряпку, вот и не знали, что делать. Андрей не собирался им помогать, даже советом.

«Цезарю – цезарево, Кесарю – кесарево» – злорадно думал он, глядя на их усилия по очистке авгиевых конюшен. – «Вчера бы и сам помог, когда надо было, а теперь уж, извольте сами».

«Чиркашей» после утренней «физры» прибавилось, грязь из умывальника распределилась и по «взлётке», усиливая грандиозность срача и ощущения неминуемого возмездия со стороны Дубинина. А до его прихода оставалось десять минут... «Залётчики», взглянув на часы, с утроенной скоростью принялись вытирать «взлетку», но время шло быстрее. Жбьякин выглянул в окно и обреченно произнес:

– Дубина идёт.

Тут Понторезов пулей метнулся в умывальник и прибежал обратно с порошкообразным чистящим средством «пенолюкс». Жбьякин недоумённо посмотрел на него и что-то хотел сказать, но Понторезов высыпал порошок на пол и крикнул:

– Тащи одёжные щетки.

Андрей с интересом наблюдал за действием, стоя на тумбе. Жбьякин принёс две щётки, и они с Понторезовым принялись тереть «чиркаши» на линолеуме. Андрей понял суть замысла – Дубинин всегда заходит на курс с центрального входа и сразу идёт в умывалку и туалет, чтобы проверить чистоту. Здесь же, при входе, на полу рассыпан порошок на площади около двух квадратных метров. Дубинину придётся перепрыгивать (а хорошую спортивную форму он давно растерял, в «спорттоварах» уже не купишь) или возвращаться вниз и заходить с дальнего входа. Это даёт от силы пять минут времени, но потом он всё равно пройдет в туалет.

– Курс, смирно!!! – заорал Андрей вытянувшись на тумбе в одноимённой стойке и доложил, что происшествий за время его дежурства на курсе не произошло. Срач пока не в счёт. Дубинин, увидев порошок и усердно драивших пол курсантов (Жбьякин даже высунул кончик языка от старания), хотел было шагнуть, но передумал и попятился назад.

– Вольно. Занимайтесь, не буду вам мешать, – пробормотал он, и стал спускаться по лестнице вниз.

Понимая, что они лишь оттянули время казни, Жбьякин подбежал ко второму входу и рассыпал порошок на пол. Услышав скрип двери, стал изображать усердие и тереть пол щёткой. Дубинин хотел было преодолеть препятствие, но снова не решился.

– Молодцы, занимайтесь, – удовлетворенно хмыкнул он и скрылся в своём кабинете.

Дневальные ещё три часа изображали адский труд по чистке линолеума, продвигаясь по сантиметру в час, и не давая возможности Дубинину пройти к туалету (может он и хотел по естественным надобностям, но такой возможности у него не было), хотя он и предпринимал четыре безуспешные попытки пройти. Перед обедом прибежавших с занятий курсантов

Дубинин выстроил на «взлетке» (они скрыли старую грязь и принесли новую), довёл нужную информацию, затем ушёл в свой кабинет, забыв уже проверить туалет. Его привычный режим сегодня был нарушен, обычно он после 11-ти уже не занимается проверкой чистоты. В это время или уже чисто, или наряд отдыхает, готовясь к внеочередному дежурству.

После обеда Дубинина вызвали к начальнику института на совещание, где он пробыл до 17.00 час. Не возвращаясь на курс, он построил подчиненных на плацу и что-то доводил. Дневальные расслабились (до окончания дежурства оставалось менее часа) и туалет с умывальником так и не трогали. Через несколько минут прибежал запыхавшийся курсант:

– Весь наряд быстро на плац, на построение перед курсом. Я на тумбе постою, – пропыхтел он.

«Вот и всё, чуда не произошло. Сейчас состоится торжественная казнь перед лицом товарищей. А счастье было так близко... Интересно, как Дубинин узнал про срач? Он же, вроде, не заходил в туалет. Если бы зашел, мы бы услышали. Хотя, сейчас всё и узнаем», – размышлял Андрей, глядя на часы.

– Пошли, звиздюлей получать, – «порадовал» он дневальных и они, с удрученным видом, спустились на плац.

Сначала они заняли свои места в строю во взводах, затем после команды: «Выйти из строя» и объявления фамилий, каждый вышел и замер лицом перед строем. Лица товарищей выражали скорбь (все понимали, что сейчас произойдет казнь), но у некоторых и злорадство («так вам и надо, мажоры. Мы убираемся, а у вас срач»).

– За образцовое несение службы при исполнении обязанностей на дежурстве, объявляю курсантам (звучат их фамилии) внеочередное увольнение!

Курс, как один человек, охнул. Такой речи и результата дежурства под руководством Андрея никто не ожидал. Злорадство сменилось недоумением и злобной завистью: «Всё можно этим мажорам. Купили увалы, наверное». Андрей купить увольнение не мог, и сам был в легком ступоре от услышанного.

– Служу России! – хором ответили «отличники службы».

– Встать в строй!

– Есть! – заняли свои места во взводах.

Андрей хоть и был ростом почти ниже всех во взводе, но стоял первым в первой колонне, как командир первого отделения. Возвышавшийся сзади над ним на добрых две головы, Тухтаров прошептал:

– Андрюх, я что-то не понял. Срача такого на курсе я никогда не видел. За что «увал» – то? Мы думали, вас казнить будут.

– Волшебная сила «Пенолюкса», Тухтар, – улыбнулся хитро Андрей.

Не ожидая увидеть сына через неделю после прошлого увольнения, мама спросила, почему он так скоро приехал опять.

– Лень, умноженная на «Пенолюкс» равняется внеочередному увольнению.

«Первый день»

31 августа 2001 года выдался солнечным и теплым. Была пятница, а на завтра родители и первоклашки готовились к торжественной линейке. Для Андрея учёба в школе была позади, как и два года учёбы в техникуме, и ещё два на очном отделении ВУЗа МВД. Сегодня был его первый рабочий день, он шёл в свой родной ЛОВД в милицейской форме с лейтенантскими погонами. Так получилось, что распределили его в службу БЭП. Он сам не рвался, из четверых выпускников трое отказались и горели желанием работать в уголовном розыске. У руко-

водства же была уверенность, что Андрей является родственником однофамильца Владимира Петровича, некогда возглавлявшего данную службу (только во времена СССР она называлась ОБХСС). Андрей поначалу отрицал родственную связь с Владимиром Петровичем, но потом решил, что если начальство хочет так думать, он ему мешать не будет.

После того, как начальник отдела представил новоиспеченных лейтенантов широкой общественности из числа сослуживцев, по случаю пятничного совещания в актовом зале, Андрей с будущими коллегами прибыл в кабинет начальника ОБЭП на утреннее совещание. Как оказалось, в этот день родились двое коллег. Сергею Александровичу стукнуло 32 года, Валере – «Хохлу» – 23. По этому случаю планировалось посетить ресторан и поздравить новорожденных. В связи с чем, день предполагалось посвятить подготовке к данному мероприятию. Только вид у Сергея Саныча был не такой радостный, как следовало бы ожидать.

– Алексей, может перенесем на понедельник? Кто такие мероприятия на пятницу планирует? И следак будет не в восторге, да и днюхи у нас сегодня. Может, отдохнем сегодня, а в понедельник все сделаем в лучшем виде? – О чем-то, пока непонятном для Андрея, просил начальника Сергей Саныч.

– Серега, до понедельника жулик может сорваться. Надо брать, пока горячо. Сейчас из Управления приедут, все сделаем быстро. А вечером и отметим.

– Знаю, как у нас это «быстро», – огорченно вздохнул Сергей Саныч.

Андрей не понимал смысл сказанного, но подумал, что кроме празднования, начальник запланировал ещё какое-то мероприятие, вносящее нежелательные коррективы в планы по проведению пятничного вечера. По лицам остальных было видно, что они тоже не в восторге от этого.

– Андрей, сходи пока домой, переоденься. Лучше в спортивную форму. И кроссовки обуи поудобнее, – сказал начальник ОБЭП.

Андрей этим словам удивился, так как думал, что опера БЭП на службу одевают исключительно костюмы с галстуками, а не ходят, как «братки» из 90-х.

– Сегодня спортдень? – предположил он.

– Вроде того. Может, и побегать и побороться придется. Давай, по-шустрому переоденься и сюда. Из Управления приедут, планы составим и будем работать.

Вернувшись домой, Андрей сообщил матери, что сегодня много работы, да ещё и два дня рождения, так что придёт он поздно.

– Как коллектив, как начальник? – спросила она.

– Всё нормально, сейчас банду Сиволапого брать будем, они фальшивые облигации и векселя Эфиопии и Занзибара сбывают, – облачившись в синий спортивный костюм и белые кроссовки, сообщил Андрей.

– Смотри, аккуратнее там, Шарапов.

– Усё будет пучком, прорвемся, – жуя на ходу бутерброд с колбасой, заверил Андрей мать, и помчался навстречу опасностям, полный желанием искоренить навсегда экономическую преступность в родном городе.

Прибыл он в кабинет начальника вовремя, как раз приехали двое матёрых оперов из Управления. Один (лет сорока) и вправду выглядел грозно – квадратная челюсть, «стальные» глаза и красное, обветренное лицо. Телосложение «матерого» было как у борца-тяжеловеса. Скорее, он напоминал опера уголовного розыска, нежели «белого воротничка» (как иногда, в шутку, называли оперов БЭПа коллеги из других служб), и Андрей с трудом представил, как «Сергеич» (так его называли коллеги) выглядит среди бухгалтерских документов. Второй опер был щуплого телосложения, одет в чёрный кожаный пиджак, несмотря на жару. Возраста был около 30-ти, но вёл себя уверенно, видимо, по должности (а то и званию) был равен «Сергеичу».

Они привезли с собой деньги (купюры оказались помечены невидимыми чернилами, светящимися в ультрафиолетовом освещении) и диковинный аппарат в виде пуговицы со встроенной видеокамерой и компактного устройства с дисплеем. Все сели за стол и стали обсуждать детали предстоящей операции. Андрей внутренне гордился тем, что в первый день имеет возможность на равных вместе со всеми обсудить поимку опасного преступника, но молчал, так как пока ничего в этом не понимал. Предстояло «брать с поличным» взяточполучателя Хрякина.

Суть дела такова... Коммерсант Заславский арендовал в местном подразделении РЖД подъездные пути с прилегающей и огороженной им территорией. На ней производился сбор, а также сортировка и погрузка чёрного и цветного лома металлов для последующей отправки для переработки. Дела в данном направлении деятельности Заславского шли успешно, уже лет шесть. Гражданин Хрякин, который являлся мастером ПЧ (служба, отвечающая за обслуживание и эксплуатацию железнодорожных путей), ежегодно подписывал акт, в котором указывалось, что данный подъездной путь пригоден к эксплуатации. Естественно, данная подпись Хрякина стоила денег («Ох, уж, эта коррупция!!»), но сумма была для Заславского необременительна, и все оставались довольны. Хрякин – деньгами за свою «закорючку» в акте, Заславский – возможностью продолжать выгодный бизнес.

На конец августа у Заславского скопилось изрядное количество металлолома, который он планировал отправить жд вагонами покупателю. По заключенному договору, доход от сделки обещал быть крупным, осталось только дождаться подписи Хрякина и отправить лом. Узнал ли Хрякин о сумме контракта, или просто «аппетиты выросли», но 28 августа тот запросил сумму за свою подпись в акте в четыре раза больше, чем годом ранее, не слушая доводы Заславского в пользу уменьшения суммы. «Не подпишу – работать не будешь», – сказал Хрякин коммерсанту. Заславский не желал расставаться с такой большой суммой, в связи с чем направился в ЛОВД искать защиты у органов правопорядка. Каждый год его всё устраивало (то, что он ежегодно совершал преступление, давая взятку, он как-то не думал), а тут жаба уселась к нему на плечи и плотно сдавила шею. Не задушила совсем, но денег он пожалел.

Первую часть требуемой суммы Заславский пожертвовал из своих сбережений. Купюры поместили и вручили «барсетку» с находящейся в ней видеокамерой. При передаче денег 29 августа, Заславский сказал Хрякину требуемую фразу о том, для чего он передает данные деньги и когда принесет остаток суммы. Хрякин взял деньги, ничего не заподозрив.

Сегодня опера Управления привезли с собой недостающую сумму и видеокамеру в пуговице, которую установили в кожаную жилетку. Они пояснили, что «барсетка» могла вызвать подозрения у Хрякина, так как Заславский раньше обходился без неё. По мнению Андрея, кожаная жилетка вызывает больше подозрений (жарко, да и коммерсант придерживался другого стиля в одежде), но он благоразумно помалкивал, считая, что тут люди поумнее и поопытнее него. Пока шло обсуждение деталей, Андрей присоединился к операм, просматривавшим видеозапись с первой передачи денег. На видеозаписи, кроме Хрякина, был ещё парень лет двадцати.

– А это кто такой? – Спросил Андрей у Сергея Саньча.

– Помощник Хрякина, Урюкин. Если и второй раз передача денег будет в его присутствии, лучшего свидетеля и не найти. Не захочет же он быть соучастником? Да и для следствия лучше один «железный свидетель», чем два «гнилых» подозреваемых.

«... остаток денег в сумме (звучит сумма) за подпись в акте я принесу вам 31 августа», – вещал голос Заславского на записи.

«Хорошо, в 13.00 в моём кабинете», – соглашался с ним корыстолюбец Хрякин.

Мобильные телефоны в 2001-м году были непозволительной роскошью, поэтому всем раздали рации, проверив предварительно связь. Как водится, сигналом к атаке, служили три зеленых свистка...

Заславский в 12 ч 50 минут вошел в здание ПЧ, сотрудники ОБЭП расположились по периметру, в автомобилях и ждали условного сигнала. Сергей Саньч наблюдал за происходящим в здании ПЧ через дисплей устройства, сигнал на который поступал с камеры в пуговице жилетки Заславского. Был обычный пятничный день, в здание входили и выходили из него люди, внимание оперов не привлекающие. На вопрос Андрея, о его действиях, начальник ответил, чтобы Андрей задерживал Хрякина и Урюкина, если те вздумают бежать. «Зубами вцеплюсь в ногу, но не отпущу», – подумал Андрей и кивнул начальнику с наисерьезнейшим видом. Сотрудников ЛОВД было аж девять человек, так что численный перевес явно был на их стороне, да и Хрякин не обладал комплекцией легкоатлета. Скорее, слегка похудевшего сумоиста.

Наконец, был дан сигнал к атаке. Все ринулись в кабинет, обезвреживать коварного взятополучателя и корыстолюбца Хрякина и его помощника Урюкина. Андрей находился в дальней от входа в ПЧ машине, поэтому прибежал в кабинет в числе последних, вместе с начальником и экспертом. В руках последнего была видеокамера, которую тот включил перед входом в здание ПЧ. Справа при входе в кабинет располагались два письменных стола. На столешнице дальнего от входа стола, лицом вниз и руками за спинами, находились Хрякин и Урюкин, удерживаемые каждый двумя сотрудниками ЛОВД. На ближнем от входа столе, в той же позе, находился совершенно неизвестный человек в «гавайской» рубашке. Кто это такой, и как он тут оказался, было совершенно непонятно. Человек тоже был крайне удивлен и напуган происходящим. Но именно около него, на столешнице находились именно те купюры, который предназначались Хрякину. Они светились в ультрафиолетовом свете, являя взору напуганного человека надписи «Взятка. ОБЭП», как и должно было быть. Руки человека также светились, свидетельствуя о том, что эти купюры он в руках держал. Эксперт снимал всё происходящее на видеокамеру. Первый вопрос начальник ОБЭП задал неизвестному пока мужчине:

– Вы кто такой и что тут делаете?

– Алексеев, Владимир Юрьевич. Я работаю в фирме «Призма». Ехал по делам, а тут батарейка села, – ответил мужчина. Его уже не держали, он сел на стул, оставаясь, однако, в непосредственной близости от сотрудников милиции. Алексеев вынул из кармана мобильный телефон «Моторола» размером с кирпич и антенной длиннее самого телефона. Данная модель сим-карты не имела, и «трубка» продавалась с городским номером. Алексеев продолжил:

– Мне нужно было позвонить начальнику на сотовый (очевидно, он гордился фактом обладания редкой и дорогой по тем временам «трубкой»), и я вошёл в это здание, на нем была табличка «РЖД». Я думал, что во всех организациях РЖД, хоть в одном кабинете, должен быть городской телефон. Я заглянул в этот кабинет и попросил позвонить. Он (указав на Хрякина) разрешил мне, и я сел за этот стол. Я стал набирать номер, в это время этот мужчина (указал на Заславского) передал этому мужчине (указал снова на Хрякина) вот эти деньги. Потом послышался топот в коридоре и этот мужчина, получивший деньги от того мужчины, кинул их мне через стол. Я инстинктивно поймал деньги, честное слово! Тут вбежали люди с криками: «Стоять, милиция! Работает ОБЭП!», и меня скрутили. Я тут не при чём, это он мне деньги кинул. Я даже позвонить не успел.

«Вот это удача!», – подумал Андрей. – «При передаче взятки присутствует совершенно посторонний очевидец. Лучшего свидетеля для уголовного дела и не найти. Это Урюкин может сказать, что случайно зашёл в кабинет и ничего не видел и не слышал. Затупить, в общем. А Алексеев никого из присутствующих не знает, и личной заинтересованности в исходе дела у него нет. Странно, что Хрякин так беспечно себя повёл, и взял деньги в присутствии постороннего. Видимо, жадность взяла верх над осторожностью».

Работа закипела, каждый занимался своим делом – эксперт фиксировал, «следак» осматривал помещение и изымал купюры, опера брали объяснения. Андрей снова был в роли стороннего наблюдателя, ему поручили опять «смотреть, чтоб никто не убежал». Но это было

лишнее – Хрякин был до того напуган, что ходил с трудом, Урюкин был какой-то заторможенный и отвечал на вопросы с длинными паузами.

После прибытия в ЛОВД, начались допросы и другие следственные действия. Мероприятие затянулось, празднование дней рождения грозило плавно перейти на завтрашний день. Хрякин вину свою в получении денег от Заславского отрицал, хотя его ладони и пальцы при осмотре в его же кабинете, свидетельствовали об обратном. «Доказательств хватает (видеозапись, купюры, пальцы и показания очевидца), так что, он и дальше может хранить своё молчание. Хоть в Сбергательном банке», – сообщил «следак» после того, как Хрякин воспользовался в присутствии адвоката статьёй 51 Конституции РФ и отказался от дачи показаний.

За стол сели уже первого сентября, в первом часу ночи. Андрей вспомнил, что за вчерашний день он съел один бутерброд. Шашлык остыл ещё вчера, да и вся остальная закуска тоже оказалась вчерашней. Не известно, чьей была идея, в виде гарнира на закуску подать зелёный горошек, но идея была не из лучших. Нет, горошек сам по себе был очень даже ничего, но пока Андрей гонялся вилкой за горошиной по тарелке (он любил есть ложкой, но их на столе не было), подняли тост за Сергея Саныча. Поздравив Саныча и выпив за его здоровье, Андрей запил водку томатным соком и попытался изловить шустрый зелёный шарик. Почти сразу («между первой и второй, как говорится...») последовал тост за Валеру... Жуя шашлык, Андрей не оставлял попыток проткнуть ненавистного наноклобка, хотя и мог бы подцепить его снизу. «Есть!», – обрадовался он, справившись с неуловимым колобком. И тут последовал тост уже в его честь. Андрей хотел было отказаться от очередной рюмки, но чувствовали-то его, это был его первый день, и отказаться было неудобно. Через час принимать участия в веселье не было сил, поэтому начальник постелил в кабинете Андрея бывалого вида матрац и запер за собой дверь, видимо, пресекая попытку побега. Утром его освободил Наиль (будущий напарник по кабинету), пожелав «бодрого» утра.

– Что-то не очень, это утро, – проворчал Андрей, ощущая себя не так бодро, как Наиль.

– Иди домой, отдохни. Я дежурю сегодня, вот и пришел с утра пораньше. Я вчера почти не пил, три тоста поддержал. А поваляться ты и дома можешь, – сказал напарник.

Домой Андрей пришёл не так поздно, как обещал, а скорее рано – около 09.00.

– Ну, как первый рабочий день? – спросила его мама.

– Тяжело бороться с экономической преступностью, – ответил Андрей и рухнул на диван.

Через неделю на местном телевидении анонсировали криминальные новости, среди которых должен быть сюжет о задержании мастера ПЧ за получение взятки (это был коммерческий подкуп, но суть та же), поэтому Андрей запрограммировал «видик» на запись сюжета, чтобы не пропустить. Просмотрев короткую (не более пяти минут) запись, среди мельтешения на экране лиц и фигур, нашёл-таки и себя.

– Мам, посмотри, меня по «телеку» показали! – возвестил о радостном событии Андрей.

– Где, не вижу?

– Да вот он, я. – Показывая пальцем в угол экрана, сказал Андрей.

Мама даже надела очки, но снова не обнаружила на стоп-кадре лицо любимого сына и отважного борца с экономической преступностью.

– Да вот, видишь, в левом углу, – не унимался будущий сыщик и гроза жуликов всех мастей.

– Здесь синяя штанина и белый кроссовок.

– Это же первый день был, хватит для начала. В другой раз целиком покажут. И вообще, у оперов лица не показывают, – оправдывался Андрей.

Этот первый день был насыщен событиями и впечатлениями, поэтому и запомнился на всю жизнь. Хрякин вины своей и на суде не признал, но получил три года лишения свободы условно, в очередной раз подтверждая гуманность российского правосудия и тот факт, что «платный адвокат свой хлеб есть не зря». Акт так и не был подписан никем из ответственных лиц ПЧ. Руководство ПЧ решило не продлевать договор аренды с Заславским, и тот свернул свою деятельность на данном участке железной дороги, который, впрочем, так никем и не использовался. Среди ржавеющих рельсов выросли заросли амброзии и бегали бродячие собаки. Зато коррупционер привлечен по всей строгости к уголовной ответственности и понёс неотвратимое наказание. Справедливость восторжествовала, и коррупция в лице одного взяточполучателя была повержена. Вряд ли Заславский в следующий раз обратится в правоохранительные органы, ему проще будет «дать на лапу», и вести бизнес дальше...

«Белочка с лимоном, или правосудие по-русски»

Утро понедельника, десятого сентября 2001 года, было немного прохладным, но небо было ясным, что вселяло надежду на продолжение «бабьего лета». Андрей служил в ОБЭП уже десятый день, и желание искоренить экономическую преступность в нём ещё не угасло. Совместное ночное дежурство с субботы на воскресенье со старшим опером Сергеем Николаевичем было спокойным, разве что поспать не удалось. Не из-за количества выездов, просто было «не положено».

– Эх, жалко, заявлений не было, – с сожалением сказал Андрей. – Можно было бы преступление раскрыть.

– Успеешь ещё. На дежурстве лучше без заявлений; можешь и не раскрыть в течение дежурной смены, а «люлей» получишь обязательно. Наша задача – не раскрывать, а выявлять преступления. – назидательно ответил Николаич. – А это работа не менее сложная. В уголовном розыске по-другому: у них есть преступление, и они «ищут», кто его совершил. У нас, обычно – есть потенциальный расхититель (материально ответственное лицо), и нужно установить и выявить, что он совершил, если конечно, имеется соответствующая информация. Хотя, и раскрываем, как же без этого. Сначала тебе с людьми на объектах познакомиться надо, пообщаться и присмотреться, «кто чем дышит» и как себя ведёт.

С мыслями поскорее окунуться в таинственный мир расхитителей (уже не государственной, но что это меняет?) собственности и поймать рыбку в виде матёрого взяточника, растратчика или вороватого кладовщика, Андрей шёл в родной отдел. Обычно по понедельникам совещание у начальника отдела затягивалось, поэтому коллектив собрался в кабинете Сергея Саныча, где имелся чайник, кружки и сахар с чаем. Иногда появлялись печенье и пряники, но это сразу после зарплаты. Вопреки расхожему мнению, опера ОБЭП не купаются в роскоши, а обычно живут на одну зарплату. По крайней мере, так было в бытность Андрея опером.

– Андрюх, не в службу, а в дружбу... Забери из своего кабинета мою папку, я у тебя на столе вчера её оставил, – попросил Сергей Саныч, почему-то загадочно улыбувшись.

Напарник Андрея по кабинету – Наиль, после слов Саныча, вдруг стал поправлять шнурки на ботинках, даже покраснел от натуги. Дойдя до двери своего кабинета, Андрей привычным движением повернул ключ в замке, и, рывком распахнув дверь, собрался было решительным шагом пройти к своему столу и забрать папку Саныча... И упёрся в стену из картонных коробок с надписями «Водка столичная особая», «Белочка с лимоном», «Адмиралъ». Оказалось, весь кабинет был заставлен ящиками от пола, почти до потолка, оставался лишь проход шириной примерно с ящик. Андрей протиснулся по данному проходу до стола и забрал-таки папку Саныча.

– Не заблудился там, нашёл папку? – засмеялся Саныч, едва Андрей вошёл в его кабинет с папкой. Все присутствующие дружно рассмеялись, увидев удивлённое лицо Андрея.

– Что это там за лабиринт из баррикад? – спросил Андрей у Саныча.
– Помнишь, мы тебе рассказывали, что «хлопнули» цех по разливу «левой» водки?
– Так это было в начале лета, насколько я помню. Почему она сейчас-то в моём кабинете?
– Водка хранилась в служебном гараже, но в пятницу генерал распорядился освободить служебные помещения от лишнего хлама. Сказал, что при посещении нашего отдела на следующей неделе, лично проверит исполнение его распоряжения. В комнату хранения вещдоков это всё не поместится, да и по большому счёту, вещдоками ящики с водкой станут только после возбуждения уголовного дела. Пока пусть постоят у тебя, а там решим, что с ними делать. – сказал Саныч.

– А как я работать буду?

– Ты ещё молодой опер, тебе ножками пока работать надо, а не в кабинете сидеть. Информация сама к тебе не придёт, её добывать надо, с людьми общаться. Наиль на следующей неделе в отпуск пойдёт, а если что тебе за столом нужно будет написать, займешь мой или любой другой свободный стол. Мы «за бумажками» редко сидим, тоже, в основном, «ножками» работаем. – Ответил Саныч.

– Есть информация, что на неделе водку прокурорские заберут. Пусть они и решают, куда её девать, – сообщил Наиль, у которого всегда была информация «сверху». – Но я таскать больше не буду, спина уже болит и руки как у орангутанга от этих ящиков. Вы с Николаичем вчера с дежурства отдыхали, а мы корячились тут. Теперь ваша очередь, – то ли в шутку, то ли всерьёз, сказал напарник по кабинету.

– Тут недалеко рынок, найдём грузчиков за пару «пузырей», – хлопнув Андрея по плечу, сказал Николай Николаич.

– «Пузыри» за свой счёт? – спросил Валера.

– Эх, молодёжь... Учить вас всему надо, – иронично вздохнул Сергей Николаич. – При переноске один ящик и разбиться может, так в рапорте и укажем. Осколки даже соберём...

– Понятно, – ухмыльнулся Валера, – Естественные издержки... Усушка, утруска...

– Разливка, закуска... – поддержал его Наиль.

– А почему так долго дело не возбуждают? Экспертиза, вроде готова уже, – спросил Андрей.

– Согласно справке эксперта (это была не экспертиза, а только исследование, так как уголовное дело еще не возбуждено), установлено, что вредных и опасных для здоровья веществ в данной жидкости не содержится. Просто разбавили качественный спирт обычной чистой водой. Спирт хороший потому, что ворованный или незаконно приобретённый в «ликёрке», надо еще разбираться с источником возникновения спирта. – сказал Сергей Николаич.

– Так это же «отказной», раз жидкость не опасная, – решил проявить осведомленность в теории уголовно-процессуального права Андрей.

– Прокуратура хочет «натянуть» материал на «незаконное предпринимательство и незаконное использование товарного знака и акцизных марок». «Акцизки», то, скорее всего, «липовые», – сказал Сергей Николаич. Зам. прокурора Умановский сказал, чтобы мы больше этой темой не занимались, следяки сами будут проводить предварительную проверку. Видимо, к нам доверия нет. Ну и ладно, пусть сами и выявляют, раз так хочется.

– А результаты всех назначенных исследований не скоро ещё будут готовы, – поддержал разговор Саныч.

В кабинет вошёл начальник ОБЭП Рыбкин, и все дружно проследовали к нему в кабинет на утреннюю планёрку. После доведения до личного состава утренних наставлений, переданных Рыбкиным от начальства «сверху», все разбрелись по своим делам. Андрей, как и собиравался, пошёл «работать ножками» на один из обслуживаемых объектов. Наиль же, пробрался к своему столу, и стал приводить дела в порядок. До отпуска у него оставалось пять дней, а до «бумажной работы» у оперов вечно руки не доходят, вот и стал он «подчищать хвосты», чтобы

достойно, без «косяков» отгулять пока ещё теплые деньки «бабьего лета». Он мог и спокойно поспать за столом, из-за ящиков его всё равно видно не было, но его дела кроме него самого никто бы в порядок привести не смог, поэтому он сосредоточенно стал заполнять серые листы писчей бумаги вручную. Дела-то, секретные...

На завтра Андрей планировал поездку в столицу области с запросом, от ответа на который будет зависеть, подтвердится ли информация (пока ещё «подаренная» коллегами, а не своя наработанная) о хищении товарно-материальных ценностей со склада одной организации. Однако, по независящим от Андрея обстоятельствам, запрос он на следующий день не отвёз.

В 05 ч. 20 мин. 11 сентября 2001 года его разбудил звонок на домашний телефон (о мобильном он ещё и не мечтал), голос автоответчика оповестил: «Тревога, сбор личного состава!». На шутку это похоже не было, так как высветился номер дежурной части, а там шутников не было никогда. Андрей быстро собрался, взял «тревожный чемоданчик» (а попросту – сидор) и направился к зданию дежурной части, расположенному на привокзальной площади.

«Странно», – думал Андрей, шагая по ступеням железнодорожного моста. – «Насколько я знаю, обычно о «плановых» тревогах, все (или, по крайней мере, начальники служб и подразделений) знают заранее, вплоть до времени её объявления. Но тут даже у Наиля такой информации не было. Может, генерал приехал внезапно и решил «взбодрить» личный состав?»

Всё оказалось намного проще, но веселее от этого не стало. Это уже ближе к обеду все мировые средства массовой информации тиражировали ужасную новость о теракте и взрывах башен-близнецов в далёкой Америке. Ранним утром 11 сентября 2001 года собравшиеся сотрудники транспортной милиции недоумевали, облачаясь в неудобные «броники» и нелепые пластиковые каски, получая табельные ПМ и АКМ: «Какого хека? Где Америка, и где мы? Взорвали на другом краю земного шарика, а по тревоге вскакиваем мы...». Как оказалось, решение об объявлении тревоги было принято на столь высоком и недостижимом уровне, что обсуждать его было бессмысленно. «Вихревал» весь личный состав МВД по всей стране, был введён усиленный вариант несения службы – двенадцатичасовой рабочий день, без выходных. Начиная с этого дня, работать стали с девяти утра до девяти вечера, и это минимум...

На предложение Сергея Николаича, организовать засаду на пути расхитителей железнодорожных деревянных шпал, Рыбкин ответил категорическим отказом («Знаю я ваши засады!»), так как понимал, что выезд на природу (а база, где хранились шпалы, располагалась за городом), чреват утерей контроля над личным составом и превращением оперативно-розыскного мероприятия в обычный пикник со всеми вытекающими... и выпиваемыми... и закусываемыми последствиями...

– Берите пример с Наиля, приводите свои дела в порядок, – решил Рыбкин. То, что Наиль не от рвения к работе сидел за бумажками, а готовился к отпуску, в расчёт не принималось. Главное – чтоб личный состав был на виду и не потерялся в засадах. Работа оперативников ОБЭП во многом привязана к графику работы закрепленных за ними предприятий (объектов), которые свою работу заканчивают в 18.00 ч., и никакие «Вихри» им не указ. Тут уж ни запрос не отнесёшь, ни авансовые отчёты не проверишь. Вот и принялись опера по вечерам «исправлять косяки» по своим делам. И это оказалось кстати – всё равно домой раньше не уйдёшь, а бумагами заняться надо. С генералом проверяющие приедут, а эти сразу в сейфы полезут. Знают, что там накопать можно много «косяков», так как они прекрасно знают, что у оперов постоянно не хватает времени на текущую работу по делам.

У Андрея, в силу малого срока работы, дел заведено ещё не было, у младшего опера Олега дел не было по должности. Вот и стали они играть в нарды и шашки (где требовалось всего два игрока). Потом, глядя на их непозволительное и вопиюще наглое бездействие, коллеги бросили (точнее, быстро закончили) свои дела, и стали играть в карты. Вспомнили (а чаще, сами придумали) множество карточных игр, даже в «Мордовского дурака» начали играть. Название,

скорее всего, было взято «с потолка», потому что правила подозрительно напоминали обычную «буру».

В этот четверг начальник ОБЭП уехал в Главк, личный же состав после 18.00 ч. оставался «вихреть» в кабинете Саныча.

– Чёт нос чешется... – вроде бы, ни к кому не обращаясь, заявил Валера, бросая ручку на стол и почесывая кончик носа.

– Апчхи!! – самым натуральным образом, абсолютно не притворяясь и не имитируя оглушительный чих, заполнил звуком пространство кабинета Саныч.

– Правду говоришь, – подняв указательный палец, изрёк Сергей Николаич.

– Только денег-то нет. До зарплаты ещё неделя, – грустно сказал Николай Николаич, перебирая мятые «десятки» и мелочь на ладони.

– Олежек, прояви оперативную смекалку! – обратился вдруг Сергей Николаич к младшему оперу.

– А у меня, типа, зарплата вчера была, – съязвил Олег. – Я деньги не печатаю, Николаич.

– Эх, молодёжь... – повторил излюбленную фразу старший опер. – Всеми учить вас надо. У Наиля с Андрюхой в кабинете прямо «золотой запас», Форт-Нокс, практически.

– Вот-вот, Форт-Нокс. Хрен возьмёшь. – не понял Олег намека Николаича.

– Ладно, тащи ящик, учить буду.

Олег принёс ящик «Белочки» и поставил его на стол.

– Это в целях оперативного эксперимента, просьба не повторять, – словно извиняясь, произнёс Николаич, переворачивая ящик вверх дном. – Верх мы опечатали, а про низ забыли. И прокурорские проморгали.

– Дай я попробую, – сказал Сергей Саныч.

Ящик был картонным и открывался снизу точно также, как и сверху, только днище опечатано не было. Саныч извлек бутылку, поставил на стол. Несмотря на красивую этикетку (пушистая белочка, почему-то обнимала лимон, а не какой-нибудь лесной орех), пробка была самой обычной, металлической винтовой «закруткой» с «юбочкой». Саныч осторожно воткнул шило под ободок металлической «юбочки» и провёл им по кругу, отгибая её. Затем просто открутил колпачок крышки... «Юбочка» всё ещё была с колпачком единым целым, а не осталась висеть вокруг горлышка колечком, как это должно быть при открывании.

– Оп-па!!! Вот и весь фокус! – С видом победителя возвестил Саныч.

– А на закуску соберём, с миру по нитке, – сказал Николай Николаич, кинув свои «десятки» и мелочь в кепку и проходя с ней мимо товарищей.

Учитывая, что до зарплаты была ещё целая неделя, стол был шикарный: колбаса «Докторская», икра «заморская» кабачковая, «гидроколбаса» (а попросту – любой газированный напиток), батон, и два сырка «Дружба».

– За оперативную смекалку!

– Да стихнет «Вихрь»!

– Свободу Анджэле Дэвис и Луису Корвалану!

– За сбытие мечт! – понеслись торжественные и нелепые тосты.

Так, как коллектив был огромным (не считая начальника, аж семь человек), а закуска шикарная, «фокус» повторили ещё два раза. После завершения празднования «чудесного открытия» (в двойном смысле), коллеги убрали со стола, а Николаич сказал:

– А теперь второй фокус. Олежек, заполни, пожалуйста, пустые бутылки водой.

После чего, взяв личный жетон, примял им по кругу «юбочку» колпачка крышки. Затем взял чёрный маркер и поставил на доньшке точку.

– Будем теперь знать, эта «холостая», – тоном лектора произнес Николаич.

– А я-то думал, как завтра за отпуск проставляться? – обрадовался «фокусам» Наиль. – Грибочки солёные и огурцы из дома принесу, еще что-нибудь на закуску соберу.

– Вот, а ты хотел «проставу зажать»! – укорил Наилия Саныч. – Эх, молодёжь... – «Украл» он фразу Николаича.

– Только надо водку в графины перелить, чтобы Рыбкин не заметил, – опомнился Валера.

– Истину глаголешь, хлопец! – одобрил его идею Николай Николаич.

На следующий вечер весь коллектив во главе с начальником скромно (в плане сервировки стола), но торжественно (в плане поздравлений и напутствующих слов) отметили убытие товарища в очередной ежегодный оплачиваемый, и такой долгожданный отпуск.

– Хорошая водка! Сразу видно – настоящая! – уважительно отозвался Рыбкин о только что выпитом им из графина прозрачном и крепком напитке. – Научились делать, что ли...

Коллеги незаметно переглянулись, ещё раз убедившись, что оперативная смекалка – это вам не фунт изюма... А несколько литров ценного топлива для различных мероприятий и торжеств. Жалко только, что скоро прокурорские заберут.

На следующее утро, в субботу, с документами коллегам работать было тяжело, но деваться некуда – в понедельник приедет генерал, надо «добивать дела». Так как «добивать» Андрею всё ещё было нечего, ему поручили подготовить «ящик для битья». Уединившись в своём «Форт-Ноксе», путём нехитрых манипуляций, он повторил фокусы Николаича и Саныча. Содержимое бутылок он перелил в принесённые коллегами ёмкости (от двухлитровых банок, до пластиковых бутылок), в пустые бутылки залил водопроводную воду. Для правдоподобности, он всё же оставил в ящике нетронутыми несколько бутылок с водкой. Было бы странно, если от разбитых бутылок практически не будет пахнуть спиртным...

В понедельник, в ожидании приезда генерала со свитой, дела лежали ровными стопками в служебных сейфах.

– Прокуратура забирает водку себе для уничтожения. Не получилось у них «накопать» на другие составы преступлений, – выдал новость вошедший в кабинет Рыбкин.

– Мы сделали всё, что могли, – развёл руками Николаич.

– Или Умановскому опять «на лапу» дали, вот и не «возбуждился» материал, – съязвил Саныч.

– Сие, мне неизвестно, – сказал Рыбкин. – В карман ему не заглядывал. Да и не наше это дело. Нам поручили перенести ящики в гараж прокуратуры.

– С чего это опять мы? – возмутился Валера. – Пусть сами и таскают.

– Ну, если хотите, ждите проверяющих из Управы. Шеф сказал, что прикроет, если водкой займетесь.

Все резко встали и дружно ответили:

– Не надо проверяющих! Сами перетаскаем, не ломаемся.

– Надеюсь, по времени ограничений нет? – уточнил мудрый Николаич.

– Нет. Главное, чтобы до 18.00 ч. перенести, а там уже проверяющие будут заняты другими делами, не до ваших сейфов уже будет.

– Банька, шашлычок... – опять съязвил Валера.

– Это тоже не наше дело, – подытожил разговор Рыбкин.

– Интересно, а как они водку уничтожат? – задумчиво произнёс Саныч. – Путём употребления внутрь? У них там две женщины, два доходяги, плюс Умановский и сам Семчев. Помощник непьющий... Так они долго уничтожат? будут.

– Я вижу, ты и сам не против лично уничтожить? – «подколол» его Рыбкин.

– Я просто представил картину уничтожения – в лоскуты пьяные следаки со следачками, и прокурор с заместителем... Картина маслом.

– Отставить разговорчики в строю. Ищите лучше транспорт и грузчиков для перевозки. Перевезёте, и валите из отдела с глаз долой, чтоб я вас до завтра не видел. От проверяющих я вас прикрою.

– Спаситель ты наш! – шутовски вознёс руки к потолку и поклонился Валера. – Чтоб мы без тебя делали...

– Ладно, я к шефу. Занимайтесь, – проигнорировал кривляние Валеры Рыбкин и вышел из кабинета.

На одном из соседних домов, опера нашли объявление: «Газель. Грузоперевозки. Цены доступные», и решили ради избежания проверки скинуться и нанять грузовое такси. На грузчиках, «жидкую валюту» решили сэкономить, поскольку «Форт-Нокс» безвозвратно переезжает в недра прокуратуры, и такой халавы уже не будет. В ходе погрузки Олег при всём честном народе (а на диковинное зрелище собралось поглазеть половина отдела) споткнулся, и с грохотом и звоном долбанул ящик с бутылками об асфальт. Вскрытие показало останки двадцати бутылок, погибших при столкновении с твёрдой поверхностью, что было встречено непосвященными коллегами с болью и сожалением: «Это ж надо... Целый ящик... Вдребезги».

– Ящик-то не перепутал? – шепотом спросил Олега Валера.

– Всё в ниточку, не сцы, – продемонстрировал Олег доньшки с чёрными точками от маркера.

Валера вызвался составить акт и рапорт по факту безвозвратной утери ценного вещдока вследствие косорукости и кривоногости младшего опера. После перемещения ящиков от отдела, опера под чутким руководством Умановского перетаскали и поставили в стройные ряды все ящики в прокурорский гараж.

– Уман сияет, как медный грош. Тоже, наверное, фокусничать надумал. – Глядя на довольную физиономию зампрокурора, пропыхтел Валера, усаживаясь в служебную машину после того, как поставил последний ящик в гараж.

– С сегодняшнего дня прокурор Семчев в отпуске, Уман за него исполнять будет, – открыл «тайну сияния» Николаич.

– Да он и так исполнял не хило, – с сарказмом произнёс Саныч. Уману вспомнили несколько эпизодов его деятельности, во время нахождения того, в должности следователя при прокуратуре. По странному стечению обстоятельств, если по «водочному материалу» проходила, например, малоимущая многодетная мать, чьим единственным источником дохода (не считая подачки от государства в виде пособия на содержание ребёнка, и доходом, которым «этот бизнес и являлся») была продажа «левой» водки, или бабушка-пенсионерка, то уголовное дело возбуждалось почти сразу.

Если же «клиент» был «денежный», срок решения по материалу продлевался под надуманными предлогами до крайнего, а затем выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Может и совпадение, но очень уж много их было... А теперь должность повыше, и есть возможность влиять на решения следователей. И опасности для себя никакой – процессуальное решение принимает следователь, на нём и ответственность. А устное распоряжение нигде не фиксируется. В то время прокурорские следователи были в подчинении у прокурора и не были самостоятельной структурой.

Отъезжая от прокурорского гаража, опера увидели, как Умановский садится за руль новенькой «одиннадцатой» с литыми дисками

– На «отказные за левую водку», наверное, купил, – глядя на серебристое детище Российского автопрома, произнёс Валера.

– Всё может быть... – задумчиво сказал Саныч.

Дни шли своим чередом, продолжались суровые серые будни... «Вихрь» не унимался, и к усиленному варианту несения службы уже даже привыкли. Все постепенно (по мере уменьшения «горючей жидкости» в ёмкостях) забывали историю с Форт-Ноксом. Обещанного репортажа по местному телевидению об уничтожении партии изъятой водки, опера так и не увидели. Может, редко телевизор смотрели, может, не было интересным это событие для журналистов...

В конце октября, в субботу утром, Андрей поехал в деревню, навестить бабушку, а заодно порыбачить с двоюродным братом Митяем. «Вихрь» кончился, и это был первый, почти за два месяца, выходной. Проезжая на рейсовом автобусе по центральной улице деревни, он увидел у одного из домов знакомую «одинадцатую» Умана.

«Дача у него здесь, что ли? Раньше я его в деревне не видел. Или машину кому-то из родственников дал покататься?» – размышлял Андрей.

Бабушка Андрея не подтвердила его версию о даче, но машина, действительно оказалась Умановского. Как оказалось, у того в деревне проживала родственница по материнской линии.

– Баба Нюра её в деревне зовут, не помнишь такую? – спросила Андрея его собственная бабушка. – «Палёнкой» торгует. Не пил часом?

– Нет, бабуль, я такую гадость не пью. Лучше уж, твой самогон – он хотя бы из натуральных продуктов. А вообще, люблю холодное пиво после баньки.

– Будет тебе банька, воды только натаскайте.

– Это мы быстро, – бодро ответил Андрей и они вдвоём с Митяем натаскали полные баки воды и приготовили дрова. Решив сходить в баню вечером, братья поехали на рыбалку.

– Слухай, братуха, анекдот в тему, – сказал Андрей, закидывая в речку блесну спиннинга.

«-Я люблю рыбалку, – сказал Русский. – Раннее утро, тишина, поплавок еле колыхнется... Красота... Мне результат не важен: будет улов или нет. Мне рыба на фиг не нужна, мне главное – процесс...»

– А я люблю охоту, – сказал Хохол. – Раннее утро, я с собакой иду вдоль берега реки среди камышей... Приближаюсь к стае уток... Бац, бац!! Настреляю я дичи или нет, мне не важно. Добыча эта мне на фиг не нужна, мне главное – процесс...

– А у меня восемнадцать детей, – сказал Цыган. – Мне они на фиг не нужны, мне главное – процесс...»

Братья поохотали, очевидно, вспугнув последнюю рыбу, что была вблизи лодки. Потому что клёва больше не было, а было просто клёво – отдохнуть на природе...

Причалив к берегу, они обнаружили компанию молодёжи в возрасте 18-20 лет. Большинство из них Митяю были знакомы, поэтому братья поздоровались с ними. Пацаны распивали прозрачную жидкость из пластиковых стаканчиков, предложили и Андрею с Митяем. Взяв стаканчик и солёный огурчик, Андрей стал слушать сбивчивый тост одного из новых знакомых.

– ть, ... я тебе говорю – хрень, а не водка у Сычихи. Вода голимая, -доказывал собеседнику рыжий парень, не обращая внимание на тост.

– Да ты гонишь! Вот она, попробуй! – оппонент зарождающегося спора налил рыжему в стаканчик прозрачную жидкость.

– За знакомство! – Андрей произнес тост сам, не дожидаясь речи других. Жидкость обожгла пищевод и маленькой лавой устремилась в желудок. Неприятных ощущений во рту и желудке не возникло. «Не палёнка, уже хорошо», – подумал он.

– И точно, нормальная водка, – удивился рыжий, вытирая рот рукавом. – А бутылка такая же. Я специально оставил, чтоб Сычихе предьявить.

С этими словами, рыжий вынул из кармана куртки почти пустую бутылку «Белочка с лимоном».

– Дай-ка, посмотрю, – Андрей протянул руку, и рыжий передал ему бутылку. Догадка Андрея подтвердилась: на дне бутылки была оставлена чёрная точка от маркера, свидетель-

ствующая о том, что Андрей «со товарищи» уже проделывали с бутылкой старый фокус. На бутылке, из которой Андрей выпил, точки не оказалось

– А вы знаете, кто привозит Сычихе водку? – спросил Андрей у пацанов.

– На позапрошлой неделе Газель была с городскими номерами, – сказал второй парень, и даже вспомнил номер.

«Точно, на этой Газели мы и привозили водку в прокурорский гараж», – вспомнил цифры Андрей. – «Видимо, Уман договорился с водителем Газели, и привёз водку родственнице на продажу».

– А какой номер дома у Сычихи? – поинтересовался Андрей у ребят. Они вспомнили и назвали номер дома. «Странно. Машина Умана стоит через один дом от дома Сычихи. Конспирируется, что ли? – думал он, удивляясь несовпадению нумерации.

– А «одиннадцатая» к кому приехала? Серебристая такая, на литых дисках. – добывал информацию Андрей.

– Да пёс его знает. В этом доме, вроде, и не живет никто. Мы не видели, кто приехал. – Сказал рыжий парень. Кивками, компания подтвердила слова рыжего

– А фамилию «Умановский» не слышали? – допытывался Андрей.

– Да, у Сычихи, говорят, девичья фамилия такая была. – вспомнил один парень.

– На «одиннадцатой» ездит некто Умановский из города. На Газели с водителем должен был быть и он. Кто видел пассажира Газели? – спросил Андрей компанию.

– Я видел. Мужик незнакомый в сером костюме и при галстуке. Упитанный такой, как буржуй, – сказал парень лет восемнадцати, картавя букву «р».

– Слушай, Колян... Сделаем так: ты сгоняешь к «одиннадцатой», пнёшь по колесу и спрячешься. По-любому у него «сигналка» стоит на машине, он на звуки выбежит. Вот ты и посмотришь, тот ли это типок из Газели и из какого дома выбежит. Если тот, и из дома Сычихи, значит, он эту «туфту» и привёз. – С этими словами рыжий пнул бутылку «Белочки» с точкой на доньшке.

– Возьми мою «толстовку», у неё капюшон большой, и она камуфлированная. В траве будешь, как кузнечик, – смеясь сказал краснолицый парень, передавая Коляну верхнюю одежду, и забирая у него красный свитер. Колян надел «толстовку» и убежал. Андрей и Митяй выпили ещё по пятьдесят грамм, и собрались было в баню, как прибежал Колян.

– Тот мужик, сто пудов. Выбежал из дома Сычихи в трусах и майке, но я всё равно его узнал. Точно, он нам воду и впаривает.

– Пацаны, только без фанатизма. Морду ему не бейте, он мужик проблемный. Ему вас посадить – как два пальца об асфальт, – Предостерёг Андрей ребят от необдуманных действий. Попрощавшись с компанией (открывших уже бутылку «Адмираль»), Андрей и Митяй пошли в баню.

Воскресным утром поспать хотелось подольше, но бабушка разбудила их в половине восьмого и сказала, что надо сходить в магазин за хлебом. Свежий привезут к девяти утра, надо занять очередь, пока не разобрали. Попутно наказала купить ещё сахара, стирального порошка и ещё кое-чего по мелочи. Идти пешком не хотелось, поэтому братья сели на велосипеды. У магазина сидела на корточках вчерашняя компания в полном составе. Хлеба они не ждали, просто нечего было делать. А у магазина можно было «стрельнуть сигу» у приезжих «дачников».

– Здорово, пацаны! Бездельничаете? – поздоровался с ними Митяй. Андрей тоже поздоровался и зашёл в магазин

Алексей Александрович Умановский проснулся в 7.40 ч воскресенья в хорошем расположении духа. Торговля у тётки Ани шла неплохо, и он задумался, не поднять ли цену за бутылку на пару рублей. Качество-то – отличное, не то, что у конкурентов. Но у деревенских денег нет, и даже несколько рублей имеет значение. «Ладно, пусть будет как есть. Сегодня надо пораньше в город уехать, отчёт надо для «Областной» подготовить», – думал Умановский, одеваясь и выходя на улицу. Но вышел он не из калитки ворот дома тётки Ани. Чтобы не привлекать внимание местных к её дому, машину он поставил у заброшенного, но ещё не развалившегося дома, пройти к которому можно было, обойдя огород с задней части и выйдя по тропинке между участками, где полынь выросла выше человеческого роста. Так он делал всё время, когда изредка приезжал к тётке, но вчера вдруг сработала сигнализация на машине, и он не стал терять времени, и выбежал прямо из дома тётки. Возле машины он никого не обнаружил, и решил, что это собака ткнулась о бампер или птица села на капот.

Так как дом, у которого он оставил машину, был заброшен, траву перед домом никто не выкашивал, она и выросла почти на полметра. Он собрался съездить в магазин, так как тётке надо было купить мешок сахара, муки, масла подсолнечного... в общем, целый список. Умановский сел за руль, запустил двигатель и стал сдавать задним ходом, как вдруг услышал четыре громких хлопка, слившихся в единый звук, и громкое шипение. Машина стала качаться, как на волнах, и оседать вниз. «Колесо, что ли пробил?» – подумал он.

Угадал Умановский ровно на четверть, потому что все четыре колеса обзавелись многочисленными лишними отверстиями. В траве под колёсами он обнаружил фрагменты досок с вбитыми в них ржавыми гвоздями. На случайность это похоже не было.

«Но за что? Меня в деревне никто не знает, я даже не разговаривал ни с кем. В городе тоже не знают, что я здесь», – терялся в догадках Умановский, не подозревая, что деревенские – отнюдь не дурачки, и провели собственное расследование, по итогам которого вынесли вердикт, основываясь на своей логике, субъективном мнении, а также нравственных и моральных принципах. Или понятиях, не суть важно. Обращаться с заявлением в местную милицию было бессмысленно.

Во-первых, до участкового километров двадцать, да его ещё и застать надо на рабочем месте, что редко удаётся даже начальству. И участковый только вид будет делать, что предпринимает необходимые меры по поиску злоумышленника. Участковый обычно загружен работой «по самое не хочу», и ему фиолетово до какого-то «городского», которому на машине колёса пробиты. Не голову, же...

Во-вторых, у деревенских свой уклад жизни, и свои принципы. Существует даже что-то вроде «круговой поруки», «Закона Омерты» или правила молчания. Если подрались деревенские, то сами и разберутся, без милиции. Если деревенского побил чужак, лучше тому больше в деревне не появляться, «прилететь» может из-за любого угла. А если деревенские побии чужака, молчать будут все, никакой полиграф не поможет. Никто ничего не видел и ничего не знает... А искать злоумышленника самому – всё равно, что бороться в ветряных мельницах, как Дон Кихот. Или будешь «гонять воздух», или получишь по голове.

Умановский сел на велосипед и поехал по деревне с целью купить у местных колёса. У коренных жителей деревни машин практически не было, но оставались так называемые «дачники», возводившие свои скромные коттеджи на берегу речки. Дачный сезон был позади, но оставались ещё любители рыбалки или шашлыка. Через десять минут от непривычной физической нагрузки, мышцы ног уже горели огнём, но он упорно продолжал крутить педали в надежде добыть колёса. Можно было уехать в город и на рейсовом автобусе, но бросать машину в свете последних событий было опасно. Может, пробитые колёса – это «первая ласточка», а к следующим выходным и сожгут на фиг, или растащат, что можно снять.

В восемь утра Степан Николаев (мужчина тридцати двух лет от роду, в самом расцвете сил) уже не спал. Нет, ему не надо было торопиться на работу, ввиду отсутствия таковой. Причина была банальна – обычный «сушняк», ставший уже привычным за последний месяц, но от того не менее мучительным. Губы слиплись и потрескались, во рту стоял мерзкий привкус. Кошек в его доме не водилось, иначе они бы умерли от голода. Сам он уже около месяца нормально не питался, только закусывал. Несмотря на отсутствие в доме кошек, складывалось ощущение, что во рту они у него всё-таки побывали, и оставили там следы своей жизнедеятельности.

«И когда только успели? Наверное, рот открывал, когда храпел...» – скрипели мысли в голове Стёпы. Там, казалось, поселились бешеные дятлы, которые искали выход наружу, и яростно долбили черепную коробку изнутри, раскалывая её с каждым ударом, но не оставляя видимых следов. Когда эти пернатые там поселились, тоже оставалось загадкой, как и то, когда они это временное жилище покинут. Мысли были вязкими, словно мёд и путанными, словно леска старого спиннинга. Даже думать было больно, да и особо не о чем. Зачерпнув кружкой воды из алюминиевого бака (подумывал уже сдать в приёмный пункт, но из чего потом воду пить?), он жадно выпил прохладный «нектар», взял самосад с обрывком газеты, и вышел на улицу. От прохладной воды, дятлы стали долбить пореже, но занятия не прервали. Наверное, один из них устал, сейчас отдохнёт, и присоединится к остальным. Стёпа сел на лавочку перед домом, запахнул ватник без пуговиц, и стал мастерить самокрутку...

Работы в деревне не было, надо было искать «шабашку». Можно было бы вскопать кому-нибудь огород, но с похмелья это очень тяжело, а другого источника заработка он не придумал. Летом он работал пастухом, но сезон закончился, и Стёпа размышлял, что же делать дальше. По соседству с его домом, участок был огорожен забором из металлического профиля. Старый дом уже не был пригоден для жилья, новый хозяин планировал построить новое жилище. Фундамент был залит ещё весной, может, кладку начать строить надумает... Иногда «дачник» давал немного «на поправку здоровья», да на курево, но злоупотреблять его щедростью не стоило, лучше попросить поработать у него на стройке дома. Вчера «дачник» сказал, что с утра поедет рыбачить и вернётся к вечеру. «Может, за охрану его тачки на «пузырь» даст?» – надеялся Степан. Машина была не иномарка – ВАЗ 21110, но мало ли что... Вот Стёпа и сел охранять «тазик» соседа, благо, погода была не по-октябрьски теплой и солнечной.

Вдруг он увидел, что по дороге (точнее, по тому, что от неё осталось), огибая ухабы и колдобины, пыхтя и обливаясь потом, едет на велосипеде незнакомый мужик. Круглое лицо незнакомца покраснело от натуги, по вискам текли ручейки пота. Одет мужичка был явно по-городскому: тёмно-синий костюм «с отливом», светло-синий галстук в красную полоску. Лакированные туфли и брюки до колен были в дорожной пыли. «Явно городской, и не спортсмен. Сразу видно, что на велосипед он сел не с целью покататься и вспомнить спортивную молодость», – думал Степан, глядя на усилия городского пижона, выбивающегося из сил и явно привыкшего ездить за рулём авто, а не на двухколёсном транспорте с мускульным приводом. Пижон остановился напротив Степана, спрыгнул с велосипеда и встал, согнувшись и отдуваясь.

– Здорово, мужик! – поприветствовал аборигена Умановский, едва отдышавшись.

– Мужики в тайге на зоне лес валят, – вместо приветствия лениво ответил Степан. Незлобно, просто по привычке. Степан сам не бывал «у хозяина», но знал, что приветствие должно звучать иначе. Да и чужака сразу на место надо ставить, пусть «фильтрует базар» сразу, а то – «ишь, вырядился». Тут тебе – не город, тут законы свои.

– Извините... Эээ... Я хотел сказать, приветствую, уважаемый! – Умановский сначала опешил от дерзости аборигена, собираясь показать ему всесильную «ксиву», но потом вовремя понял, что эту красную книжечку ему могут и засунуть... Не в том он сейчас положении, чтоб горор показывать. Вот если бы он сидел в своем кабинете, то этот гнусный тип, находясь перед

ним, имел бы бледный вид, а потом и место возле параша. Как говорится – был бы человек, а статья найдётся. «Главное сейчас – добыть колёса, а с «ватником» позже разберусь», – думал Умановский, краснея от неудобства ситуации и собственной беспомощности перед неизвестным хамом.

– Ваша машина, уважаемый? – как можно вежливее спросил он у аборигена и указал на «десятку».

– А то чья, же? – внезапно для самого себя, ответил Степан.

Собственного транспорта у Степана никогда не было, водительских прав тоже. Навыков управления авто у него тоже не имелось. Единственный раз, когда он (естественно, пьяный) сел за руль «убитой шестёрки» троюродного брата, окончился плачевно для автомобиля – лесную грунтовую дорогу внезапно перебежало дерево, и Стёпа сбил вековой дуб. Больше он ни на какой транспорт, кроме гужевого и велосипедного, не садился.

– Вы можете продать мне колёса? – озадачил Степана визитёр.

Стёпа задумался. Машина-то не его, как бы от «дачника» по лицу не получить... Хотя, «дачник» приедет только к вечеру, а Степа скажет, что «не при делах», ничего не видел. Да и колёса у «десятки» почти «лысые», владелец авто как-то ему говорил, что пора их менять.

– Десять тысяч! – нагло завысил Степан цену «лысой резины» ровно вдвое. Комплект новых колёс стоил около пяти тысяч.

– Но они же «лысые»! – попытался было возмутиться Умановский.

– Ты и сам – не Киркоров, – совсем уже обнаглел Степан, глядя на плешь на голове Умановского, и явно над ним издеваясь. Тот покраснел ещё больше, но сдержал эмоции.

– Дам восемь тысяч и литые диски с пробитыми колесами, – сделал над собой усилие Умановский, отчаянно нуждаясь в приобретении хоть каких-нибудь колёс. Отчет – это святое, «сверху» так «по шапке дадут», что и вылететь можно. И машину в деревне оставлять опасно.

– Идёт, – согласился Степан. – Тащи свои колёса на дисках, и домкрат с «балонником». Жена ключи от машины с собой в город увезла, вернётся не скоро, – нагло врал Степан, уже окончательно войдя в роль владельца вазовского авто. Умановский кивнул и вернулся через пятнадцать минут. Его велосипед вилял из стороны в сторону, так как на багажнике находился домкрат и «балонник».

– А где колёса? – задал Степан логичный вопрос.

– А вы можете сами поменять колёса? – спросил в ответ Умановский. Сам он никогда колёс не менял, все делали за него работники СТО, причем бесплатно.

– Пятьсот рублей, – жадность Степана росла на глазах. Ещё вчера он готов был вскопать десять соток огорода лопатой за эту же сумму, а сегодня требует столько же за десять минут работы. Но, по пижону было видно, что колёса ему очень нужны, а сам он вряд ли их сможет поменять.

– Хорошо, – сник Умановский, доставая купюру.

Степан как можно быстрее («дачник» может вернуться и раньше, а это может плохо кончиться) снял колёса, подставив на их место кирпичи.

– Готово, давай деньги, – сказал Степан.

– А как же я их повезу? Да и с моей машины ещё надо снять и эти на их место поставить, – удивленно спросил Умановский, но деньги все же отдал.

Степан на секунду задумался. Восемь тысяч у него уже в кармане, и ему «до фонаря», как этот тип потащит колёса. Но и диски тоже можно продать, тем более, литые. И снятые им колёса следовало убрать как можно быстрее...

– Я сейчас, – бросил он пижону, и направился к старому знакомому, Михалычу, жившему через пять домов по той же улице.

– Михалыч, дашь свой «Мерс» в магазин сгонять? – попросил он у высунувшегося из окна заросшего седой щетиной деда.

- Пешком лень уже? Ноги не держат? – «подколол» его Михалыч.
- Быстрее надо. С меня «пузырь», – «растянул лыбу» Степан.
- Ух ты! Никак, клад нашёл? – удивился дед.
- Типа того. Эльфы и гномы принесли, – отшутился Стёпа.
- Лишь бы не белочка, – поддержал шутку Михалыч.

Они и не догадывались, что виной всему происходящему именно она. Не лесной звёрёк с пушистым хвостом, из волос которого делают кисточки для художников. И не «белая горячка» (а точнее – алкогольный делирий), но «Белочка с лимоном» имела прямое отношение к пробитым колёсам и последующим событиям. С согласия Михалыча, Стёпа сел в телегу с уже запряженным в неё меринком по кличке «Мерседес», после чего приехал к своему дому и погрузил в телегу колёса.

– Куда ехать? – спросил он у Умановского.

– К дому Сычихиной примерно. Там недалеко «одиннадцатая» стоит с пробитыми колёсами.

Стёпа положил к колёсам домкрат и «балонник», и направился к знакомому дому. Сам он у Сычихи давно водку не брал – она живёт дальше, и цена за бутылку у неё на пять рублей больше. Говорят, в последнее время, у неё водка уж больно хорошая, но денег на неё не было. Брал у Яшкиной, но от той водки голова потом как чугунная, и память отшибает. На всякий случай, он также взял и кирпичи с обломками досок. Ему долго «светиться» у машины пижона тоже нельзя – если знакомые увидят, вопросы начнут задавать, одни колёса с другими в уме складывать... Подъехав к авто Умановского, Степан, с быстротой и сноровкой спецов из пит-стопа «Формулы-1», снял колёса и оставил машину на кирпичах. Оставив колеса с машины соседа у машины Умановского, и погрузив колёса с его машины в телегу, Степа сделал вид, что собирается уезжать.

– А эти ставить? – спросил Умановский.

– А эти ставить – ещё 500 рублей. Работа денег стоит.

– Ну, это грабёж уже! – возопил Умановский.

«Знал бы ты, что и колёса не мои», – злорадно подумал Степан.

Грабёж, кража или мошенничество – значения для истинного владельца колёс не имеет. Чьими действиями и по чьему умыслу ему был причинён имущественный ущерб, для него не важно. Факт хищения колёс был налицо, и предмет преступления находился у машины Умановского. Стёпа натянул вожжи, чтобы хлестануть Мерса и укатить, но Умановский со вздохом протянул ему купюру:

– Хорошо, вот ещё пятьсот. Я тороплюсь.

Степан, как заправский шиномонтажник, сделал всё за пять минут, прыгнул в телегу, и укатил восвояси, поднимая пыль по ухабистой дороге.

«Совсем обнаглели, эти деревенские. Ну и ладно, главное – колёса теперь есть, отчёт успею сделать», – подумал Умановский, отъезжая от дома. Пока он занимался поиском колёс, тётя сама сходила в магазин с садовой тачкой.

Пока Андрей стоял в очереди за хлебом, в магазин вошла старушка лет восьмидесяти, с садовой тачкой. Он смутно помнил эту старушку, мимо её дома он в детстве с братом Митяем бегал купаться на речку. Но тогда он ни «левой», ни «правой» водкой не интересовался, поэтому лично знаком с ней не был.

– У племяша маво, ночью колёса украли! – поведала она о неприятности всей очереди. – Совсем совесть потеряли, оглоеды!

– У какого племяша? – спросил кто-то из женщин в очереди.

– У Лёшки, из города... – начала было объяснять Сычихина, но вовремя спохватилась. Он не велел ей никому про него не рассказывать, и его приезды всегда были тайной. И никто не должен был знать, что он как-то связан с продаваемой ей водкой. Обычно водку он привозил на легковой машине раз в неделю, ночью. А тут водитель Газели мог приехать только днём, вот племянш и рисковал, приехав к ней. Потому и машину свою он поставил не у её дома, а рядом.

– Да месяц назад порезали, прямо на стоянке! – начала выкручиваться из сложной ситуации Сычиха. – Опасно жить в городе, не то, что у нас. – Она свернула с опасной темы на разговор о богатом грибами лес, чистый воздух и речку, прямо кишашую экологически чистой рыбой.

Андрей всё понял, и окончательно убедился в своих подозрениях относительно причастности Умановского к появлению «Белочки» у Сычихи. Был бы тот не причём – бабка не скрывала бы факт повреждения колёс, да и сам бы не прятался и не ставил машину у чужого дома. Однако, шила в мешке не утаишь... Андрей вышел на улицу с покупками, закрепил их на багажниках велосипедов.

– ... и гвоздями аккурат к шинам поставил. Трава там высокая, их и не видно было, – хвастался вчерашней «вылазкой» Колян.

– Что, под все колёса? – спросил у него Андрей, догадавшись о причинах и виновнике повреждения колёс Умановского.

– А мне гвоздей не жалко. Пусть знает, как людей обманывать. Воды я могу и бесплатно из колодца попить, а не покупать по тридцать рублей за пол-литра.

– Прямо народный мститель, – усмехнулся Андрей. – Такому и премия полагается.

Хлеб к этому времени уже раскупили и очереди в магазин уже не было. Андрей купил пацанам две «бомбы» по 2,5 литра пива «Ячменный солод», себе и брату по 0,5 литра «Жигулёвского».

– Это вместо воды из колодца. Заработал премию, – передал Андрей «бомбы» Колян.

– Благодарствую, Андрюха! С меня в следующий раз рыбка вяленая. Через месяц приезжай, готова будет. Позавчера засолил, завтра сушить повешу.

– Удачи, пацаны! – Попрощались они со счастливыми обладателями пяти литров «утренней свежести» и поехали к бабушке.

– Что это ты такой щедрый с утра? – поинтересовался Митяй.

– В народе всегда партизан уважали. А Уману за дело досталось. Он эту водку уничтожить должен был, а не продавать, – ответил Андрей, но подробностей пояснять не стал. А брат о работе Андрея обычно не спрашивал, если надо, сам скажет.

– Согласен. Хорошо ещё, морду не набили.

– Он прокурорский, с такими лучше не связываться. Хорошо, что Колян не «засветился».

– Михалыч, Мерса распрягать? – спросил Степан, подъехав к дому владельца мерина.

– Ну, если не лень, распрягай. Купил, али пошутил? – спросил Михалыч.

– Ты что, Михалыч? Такими вещами не шутят, – сделав вид, что оскорблён до глубины души, Степан передал алкогольные «подарки» через окно хозяину мерина. – За аренду гужевого транспорта.

– Эх-ма! А раньше-то бесплатно тебе давал пользоваться. Теперь такса будет – пол-литра!

– Михалыч, имей совесть! Клад-то небольшой был.

– Шучу я. Распрягай и заходи, дегустировать будем.

Сняв упряжь с мерина, Степан оставил его пастись у изгороди на привязи. Несмотря на позднюю уже осень, трава ещё оставалась зеленой. Войдя в избу, он увидел, что Михалыч успел подготовиться к его приходу. Стол был, хоть и не царский, но вполне себе приличный: варе-

ная картошка, квашеная капуста, соленые огурчики и грибочки. Даже шмат сала с прослойкой лежал на разделочной доске, распространяя заманчивый аромат чеснока. Желудок громко заурчал, напоминая о себе, и требуя «дозаправки».

– Да тут и литра мало, – увидев обилие закуски, присвистнул Степан.

– Главное – начать, а там само пойдёт. Лишь бы гномы клад обратно не утащили, да белочка не прискакала.

– Я вот, что думаю, Михалыч... – начал Степан, разливая по стаканам купленную в магазине водку. – Может, нам в город на заработки податься?

– Да куда уж мне, я седьмой десяток разменял. Разве что сторожем.

– Может, на стройку? – сипло спросил Степан после первой рюмки, похрустывая огурцом и гоняясь вилкой по тарелке за маленьким «рыжиком».

– У меня и здоровья уже нет, кирпичи таскать. И стройка зимой обычно не идёт. А летом самая страда, сено надо заготовить, да и огород не бросишь.

– Это верно, – согласился Степан, наливая «по второй». – Может, мне корову купить? Молоко продавать буду, масло... – мечтательно сказал он, поднимая стакан.

– Эх, тебя торкнуло! Температуришь, аль пушистая прискакала? – засмеялся Михалыч, в шутку трогая лоб собутельника тыльной стороной ладони. – За коровой уход нужен, да и сено заготавливать надо. Ты доить-то умеешь?

– Да, ты прав. Что-то понесло меня. Может, кроликов или цыплят завести?

– Кроликам клетки строить надо, а ты всё бухаешь. Да и сдохнут они у тебя от голода. Это же не тараканы – те один раз заведутся, хрен выгонишь потом, и кормить не надо.

– Точно! Цыплят куплю, – обрадовался Степан, наливая «третью» и доставая пачку «Честерфилда».

– Видать, и впрямь клад большой, раз сигареты Джеймса Бонда купил.

– Не знаю, что там Бонд курил, может «Бонд» и курил. А сегодня могу себе и «Честера» позволить, фортануло мне. Ну, за цыплят! – Степан подвинул пачку сигарет Михалычу и поднял стакан. В избе раздался стеклянный перезвон.

– И за клад! – поддержал товарища Михалыч, после выпитого доставая сигарету из пачки Степана. – Только с «беленькой» тебе завязывать надо, а то и цыплят не купишь.

– Всё, решил, Михалыч! – выдохнув после «третьей» и подцепив капусту вилкой, сообщил Степан. – Берусь за ум, и пить не буду. Ну, почти. Ну, не так, как раньше. Цыплят заведу, огород весной засажу. Картошка, там... капуста... огурцы всякие...

– Размечтался... Знаю я тебя, охламона. Посадишь ты... Только, разве что печень, – не верил Михалыч захмелевшему уже Стёпе. – Закусывай, давай, а то глаза уже оловянные.

– Всё, Михалыч, твёрдо решил, – заверил его Степан.

– Ну, весна покажет, что ты решил. Ты хоть, огород вскопай в зиму. Картошки весной я тебе дам для посадки, рассаду огурчиков тоже.

– Завтра копать начну, – пообещал Степан, разливая «четвёртую».

– С такими темпами, ты завтра за лопату держаться будешь, – усмехнулся Михалыч. – Давай-ка, картошечки схомячь, да с салцем. По четвёртой выпьем после перекура. Поешь и пойдём курить.

– Литру допьём, и всё! – решил Степан, основательно подкрепившись картошкой с салом.

– Ну, быть добру! – поддержал его мысль Михалыч, и в избе снова послышался «дзиннь»...

Валерий Георгиевич с раннего утра сидел в резиновой лодке и рыбачил. Было не октябрьски тепло, он даже расстегнул куртку спецовки, купленной специально для рыбалки. Он метнул в реку «закидушку» с прикормкой, закрепил спиннинг с колокольчиком в лодке.

Затем сыпанул прикормку рядом с лодкой и закинул удочку. Он был «бизнесменом средней руки», владел пятью точками на рынке и собирался расширяться. Время от времени, товар ему возил племянник Артём, но Валерию Георгиевичу нужен был в скором времени постоянный водитель. Артём работал на грейдере и другой тяжелой технике на каком-то муниципальном предприятии, и увольняться не хотел. «Бизнес – дело рисковое, а тут – пусть небольшая, но постоянная зарплата», – говорил он. Решив, что всё-таки уговорит племянника, Валерий Георгиевич подумал, что надо бы перевезти купленные им ещё в начале лета с большой скидкой колёса с «зимней» резиной из гаража Артёма, где он их на время оставил и почти забыл о них. «Приеду, заберу. У нас, в России, зима всегда наступает внезапно», – подумал он, вспоминая прошлогодний «день жестянщика».

С пяти утра до двух дня он поймал три леща и семь подлещиков. После обеда клёва уже не было, и он уже подумывал сматывать удочки. «Поеду лучше в город, колёса заберу», – решил он. Вернувшись к своему старому и ещё не построенному новому дому (а точнее, к фундаменту, огороженному забором), он поставил лодку сушиться, прислонив её к забору. Выловленную рыбу он из садка хотел переложить в автомобильный холодильник, где она могла храниться довольно долго в свежем виде. Вынув ключи из кармана, Валерий Георгиевич подошёл к машине... Та стояла на кирпичках, выставив напоказ тормозные колодки. «Сгонял на рыбалку, ёперный театр», – разглядывал он свою «ласточку», – «Надо было соседа попросить, хоть за бутылку бы охранял пока я на рыбалке».

С его точки зрения, Степан был безобидный алкаш, но его тяга к спиртному была чревата пожаром, таких случаев полно. «Не курите в постели, пепел на полу может оказаться вашим», – вспомнил Валерий Георгиевич старую шутку с чёрным юмором. – «Надо попросить его гараж построить. Дом подождёт, тем более, фундаменту отстояться ещё надо. А машине гараж уже сейчас нужен, а то разберут по винтику в следующий раз. А если Степан стройкой займётся, времени на водку не останется». С такими мыслями он постучал в окно дома Степана. Следов на дороге не было, куда делись колёса, неизвестно. Может, сосед что видел? Хотя, он, наверное, «в дугу», спит ещё, раз не открывает окно.

– О, сосед! Здорово! – К Валерию Георгиевичу по дороге приближался, пошатываясь, сам Степан. – Много рыбы наловил?

– Рыбы немного. Смотри, что у меня тут, – Валерий Георгиевич указал на машину и кирпичи под ней вместо колёс.

– Херасе. Вот... – Степану не хотелось обзывать самого себя, но выразить негодование надо было, а то сосед не поймёт. – Ух, я бы им, если бы видел...

– Значит, не видел... Так я и понял, раз домой возвращаешься. В гостях был?

– Да, у Михалыча посидели чуток.

– Понятно... Хорошо, что я новую резину не успел поставить. Собирался на зимнюю менять. У той уже протекторы «лысье», и на правом переднем грыжа. Могла рвануть в любой момент. Диски только жалко. Штамповка обычная, но тоже денег стоит. Да и хотел два комплекта оставить на дисках, чтобы по сезону «переобуваться» самому, а не ждать очереди в шиномонтаже.

– Постой минутку, – сказал Степан и пошёл в сарай во дворе своего дома. Вернулся он с двумя «пробитыми» колёсами пижона.

– Дарю! – Степан положил колёса перед соседом.

– Откуда они у тебя? – Удивился сосед. – У тебя же и машины никогда не было.

– У меня не было. А брат в прошлом году на своей «десятке» расшибся, чуть живой остался. Авто восстановлению не подлежит, колёса, вот остались.

– Странные отверстия для аварии, – задумчиво сказал Валерий Георгиевич, разглядывая поверхность колёс.

– Аварии не видел, брат только колёса оставил. Берешь?

– Сколько я тебе должен?

– Лампа мне нужна и мешок пшена. Цыплят завести собираюсь.

Степану стало немного стыдно, что он причинил ущерб хорошему, в общем-то, мужику. Диск литые стоят не меньше десяти тысяч, так что, вроде и вернул должок.

– Будет тебе и лампа и зерно. Цыплят где брать будешь?

– У Матвеевны недавно несушка выводок высидела. У неё куплю.

– Давай, я тебе с фабрики бройлерных куплю. Они привитые, болеть не будут. И растут быстрее.

– Договорились, – сказал Степан и вынес ещё два колеса.

– Мне гараж построить надо к зиме. С кирпичной кладкой справишься? Буду платить десять тысяч в месяц за работу и охрану.

– Стены строить умею, опыт есть, – заверил его Степан. – И охранять буду, как своё. Пусть кто попробует, сунется. Вмиг рога посшибаю.

– А не забухаешь? – С сомнением уточнил Валерий Георгиевич.

– Я решил за ум взяться. Цыплят, вот, заведу. Завтра огород копать начну, чтоб весной засадить.

– Если тебе напарник нужен, скажи, что пять тысяч ему платить буду. Раствор мешать руками не придётся, так что тебе только помощник нужен будет.

– Михалыч поможет, он мужик надёжный.

– Хорошо, тогда в субботу и начнёте. Я стройматериалы привезу и бетономешалку.

– А как домой поедешь? – Спросил Степан.

– Племянник новые из города привезёт.

– Ну, тогда, ладно. Пойду, отдохну. Завтра огород копать...

– Бывай. Не бухай только, я на тебя надеюсь.

Степан заверил его, что завязал, и ушёл спать. После «вчерашнего», пол-литра хорошей водки подействовало как снотворное, поэтому он уснул крепким сном. Снова храпел и открывал рот, но кошки в этот раз не приходили. Белочка, впрочем, тоже, что было совсем замечательно.

Недавно Валерий Георгиевич приобрёл себе мобильный телефон «Моторола». Аппарат был без сим-карты, сразу с общефедеральным, городским номером. Во-первых, это была дань моде – он, как-никак, успешный бизнесмен, и наличие этой «трубки» подчёркивало его успешность на поприще торговли. Кроме того, характер его работы был разъездной, иногда было необходимо срочно позвонить, а стационарного аппарата зачастую под рукой не оказывалось. Однако, и связь была достаточно дорогой, поэтому пользовался он «мобилой» довольно редко. Сегодня был как раз экстренный случай, и он не пожалел, что купил этот телефон.

– Артём, ты не пил сегодня? – Удача была на его стороне, и он дозвонился до племянника на «домашний».

– Обижаешь, дядь Валер. Днём, в воскресенье... Мне же за руль завтра.

– Извини, забыл. Слушай, можешь мне в деревню привезти колёса, которые я у тебя летом в гараже оставлял? У меня тут украл, машина на кирпичках стоит.

– Может, пацанов подтянуть? Накажем воров?

– Я не знаю, кто украл. Да и разбираться бесполезно, только время тратить. Привезёшь?

– Да, сейчас выезжаю.

В субботу, 10 ноября 2001 года, Артём работал на грейдере. Необходимо было засыпать грунтом вновь проложенные трубы отопления, ведущие к детскому саду. В будние дни это было сделать затруднительно ввиду наличия на прилегающей территории малолетних детей, поэтому всё оперативно сделали сегодня до обеда. Ему оставалось только засыпать траншею с

трубами и выровнять грунт. Работы всего часа на два максимум, и то с перекурами. До 16-ти успеет всё сделать, а заплатят как за весь день, причём в двойном размере. Выходной, всё-таки. Машин на дороге, проходящей вдоль детсада, почти не было. Сама дорога была односторонняя, поэтому он поглядывал при совершении манёвров только в ту сторону, откуда они должны ехать. Артём начал сдавать назад, разворачивая одновременно грейдер параллельно дороге, и тут увидел, что «против шерсти», со стороны знака «кирпич» в его сторону едет серебристая «одиннадцатая».

«Вот, урод!» – Подумал Артём. – «Развелось блатных, как мух на навозной куче!».

«Вот, Семчев, урод! Подставил меня, а сам на больничный ушёл!» – Раздражённо ворчал про себя Умановский, возвращаясь в родной город из областного центра, куда ездил накануне в качестве исполняющего обязанности прокурора. Ездил он не по личным делам, а на подведение промежуточных итогов по надзорной деятельности. Его вышестоящее руководство поимело его самым гнусным образом, хотя отвечать должен был Семчев. Чтобы снять стресс, залил его спиртным в компании таких же провинившихся. Потому и остался ночевать в гостинице, благо, всё было оплачено из бюджетных средств заранее. Вот и синий прокурорский мундир помог, так как запах «вчерашнего» был отвратительный и стойкий, а у гаишников нюх, как у терьера. Увидев его мундир, они теряли интерес к его движущейся по шоссе «Одиннадцатой» и переводили взгляд на другие, менее опасные для их нервной системы, автомобили.

Оставалось ещё заехать в кабинет, переодеться, а потом уже и домой. Умановский всегда подъезжал к зданию прокуратуры (на самом деле прокуратура занимала лишь первый этаж здания, остальные три – милиция) с ближней стороны по ходу движения от его дома. То обстоятельство, что он въезжал под знак «кирпич», его особо не волновало. В этот раз он поступил также. В кармане у него лежали пять тысяч рублей, которые Семчев ему выделил на подарок «шефу». После публичной порки и унижения, устроенных этим самым шефом, Умановскому расхотелось тратить эти деньги, пусть они и не его личные. «Обойдётся», – злорадно подумал он. – «А Семчеву скажу, что купил дорогой коньяк. Шефу много подчинённых коньяк дарили, тот и не вспомнит. И Семчев проверять не будет. А мне это будет компенсация за моральные страдания», – уже веселее подумал он, планируя, куда бы потратить неожиданный «бонус».

Въезжая под «кирпич», Умановский увидел работающий на обочине грейдер. Впереди машин не было, и он решил проскочить. Поравнявшись с грейдером, Умановский увидел, что тот сдаёт назад и разворачивается. Чтобы избежать столкновения (а нож у жёлтого монстра был большой), Умановский решил правыми колёсами въехать на бордюр. Так он раньше делал, когда ездил на «Ниве», а навстречу шла машина. На этот раз была не «Нива», да и колёса были далеко не новые. Чтобы с первого раза заскочить колесом на бордюр, Умановский «поддал газку». Колесо почти заскочило на верхнюю часть бордюра, но тут раздался оглушительный хлопок, и машину отбросило влево, прямо на нож грейдера...

«Милицейский бал... Какое нелепое название», – разглядывая объявление, размещённое на доске первого этажа отдела, думал Андрей. – «Не иначе, начальник кадров Смолин придумал». Согласно текста объявления, сие знаменательное событие должно было состояться 10.11.2001 года в 15 ч. 00 мин. Андрей зашёл в отдел, чтобы забрать «звёздочку». Сегодня коллега из уголовного розыска получает «старлея», а у Андрея в столе имелся запас «звёзд». Взяв на всякий случай четыре «звёздочки», собирался было идти в ресторан, но увидел приоткрытую дверь в кабинет Сергея Николаевича. Андрей вошёл в кабинет и увидел двух Сергеев – и Николаича, и Михалыча. Второй уже не работал в ОБЭПе, но по старой памяти заходил к другу в гости. Оба они курили, Михалыч по привычке стряхивал пепел в горшок с фикусом.

«Это не мусор, а полезные микроэлементы», – говаривал он. Фигус не возражал, и рос сам по себе. Его и не поливал никто специально, выливали в горшок только остатки чая. Сегодня в горшке был ещё и засохший пакетик «липтона». «Это уже лишнее», – подумал Андрей и выбросил пакетик в мусорную корзину.

– Был бы топор с собой, запросто повесил бы, – сказал Андрей, разгоняя руками плотную завесу от «L&M» и «Winstone». – Вы бы хоть окно открыли.

Андрей открыл нараспашку одну раму, выпуская холодный и относительно свежий ноябрьский воздух. «Снаружи может показаться, что кабинет горит. Как бы прохожие пожарных не вызвали», – подумал он, глядя, как табачный дым сизым облаком покидает кабинет.

– О! Уман едет! – показал он товарищам на приближающуюся «одиннадцатую» Умановского. – Позовём его на бал?

– Это можно. Как выпьем коньячку, так и вдарим по пяточку. В это свиное рыло, – сказал Николаич. Не так давно Сергей Николаич получил взыскание, стараниями именно Умановского, и не питал к тому нежных чувств.

В этот момент раздался громкий хлопок, и автомобиль Умановского бросило влево, аккуратно на нож грейдера. Послышался противный скрежет, и Андрей увидел, что всю левую сторону авто Умана «немного поцарапало» мощным ножом тяжелого грейдера.

– Мужики, а ведь Уман по «встречке» ехал! Если он сейчас «наезжать» на работягу будет, может «впряжётся» за него? – Спросил Андрей.

– А что? Пошли, пока трезвые. А то, попадёт работяга ни за что. Он-то не виноват, а Уман может гаишникам ситуацию по-другому «нарисовать», ему доверия больше. – Здравомысленно рассудил Михалыч.

– ...ь...ё...я...! – вслух матерился Артём, глядя на вылезавшего из покорёженной «одиннадцатой» мужчину в прокурорском мундире. – Вот я попал... И хрен кому докажешь, что это он нарушил все правила, и ехал по «встречке».

Ошарашенный Умановский вылез из правой двери (левую намертво заклинило), и начал было вопить на водителя грейдера, виня его в невнимательности, но тут увидел приближающихся к нему оперов ОБЭП, одетых в костюмы с галстуками. «А, у них же праздник сегодня... Как они не вовремя. Надеюсь, они ничего не видели», – пронеслось у него в голове.

– День добрый, Александр Алексеевич! – поздоровались они.

– И вам того же, – недовольно буркнул он. – Вот, видите-ли, въехал в меня, – и указал на бледного парня, у которого заиграли желваки.

– Вы, как обычно, переворачиваете всё с ног на голову, – резонно возразил Михалыч, которому Умановского уже опасаться было нечего. – Мы видели момент столкновения и причину, которая к этому привела. И эта причина – ваше неуважение к законам, а именно – грубейшее игнорирование знака «въезд запрещён», и движение по встречной полосе... Да вы ещё и пьяны! – По театральному всплеснул руками Михалыч.

Артём не верил своим глазам: прокурорского отчитывал, как мальчишку, какой-то мужик в штатском. Эфэсбэшник, что-ли?

– Факт нарушения зафиксирован камерой наружного видеонаблюдения, установленной как раз над входом в вашу Преисподнюю, – вещал Михалыч. – А это уже доказательство для суда. – Андрей, позвони «Панасонику», пусть запишет на дискету. Сейчас при понятих изыдем, по всем правилам.

«Панасоником» звали за глаза инспектора по связи. Он ремонтировал компьютеры, рации и оргтехнику. Разбирался он и в системе видеонаблюдения, недавно установленной по периметру здания отдела. Андрей направился в здание, чтобы позвонить кудеснику техники. Потом вспомнил, что тот, скорее всего, уже в ресторане. Но «Панасоник» недавно показывал

Андрею, как переписывать фрагменты видеозаписи на дискету. «Если сам не смогу, в понедельник перепишем. Запись хранится трое суток. Придётся поискать подольше, но сделаем», – думал он.

– Не надо записей. И ГАИ не надо вызывать, – произнёс тусклым голосом Умановский. – Мы с парнем сейчас всё обсудим. Вы не против? – Спросил он у оперов и Артёма.

– Мы не против, – ответили опера.

– Давайте поговорим, – ответил Артём, и они с Умановским отошли к машине Умана.

Говорили они минут десять, за это время Андрей успел записать семь минут видеозаписи на дискету.

– Готово, – сообщил он коллегам, подойдя к ним.

– Кажется, мы поймали рыбку. Не золотая конечно, но желание одно загадать можно, – сказал Николаич, увидев, как к ним подходят парень и Умановский.

– Мы обо всём договорились, водитель претензий не имеет, – бодро доложил Умановский.

– Да, я претензий не имею, – смущенно ответил парень. Вид у него был обескураженный, по его лицу было понятно, что в такой ситуации он оказался впервые.

– А мы уже видеозапись на дискету записали, – со вздохом, будто сожалея о напрасной работе, сказал Михалыч.

– Что вы хотите за эту дискету? – понял намёк Умановский. – Сколько?

– Что вы! Мы взятки не берём, у вас о нашей службе сложилось превратное впечатление.

Нам нужны наши дела и ваше представление.

Неделю назад Умановский собрал все дела оперучёта для проверки. Не секрет, что у каждого опера в делах можно найти ошибки и недочёты. Задача прокурорских (как и многих других проверяющих) – найти эти недочёты и ошибки, после чего направить представление об устранении данных нарушений. А представление это автоматически влечёт наложение дисциплинарного взыскания. В связи со «свеженьким» взысканием, соответственно, про ежегодную премию по итогам года (аналог тринадцатой зарплаты) можно забыть.

– Но как же я их вам отдам, секретариат закрыт сегодня?! Надо номер исходящий взять на сопроводительную... – начал было Умановский.

– Мы же с вами офицеры, можно и без этих бумажных формальностей. – Возразил Николаич. – Мы свои дела точно не потеряем. Просто возьмём их, и всё. А сопроводительную в понедельник пришлёте.

– Ну, хорошо, забирайте, – уныло произнёс Умановский, протягивая руку за дискетой.

– Нет. Утром деньги – вечером стулья. Сначала дела отдайте, – нагло упорствовал Николаич.

– Хорошо. – Умановский понуро поплёлся открывать входную дверь в прокуратуру. В выходные дежурили наряды ДПС и ГИБДД с области, с ними шутки плохи. Информация сразу дойдёт до вышестоящего руководства, тогда точно конец карьере. Следовало пойти на уступки наглým операм, сейчас ситуация не в его пользу. Размышляя, как он им отомстит, Умановский открыл дверь в свой кабинет...

– Спасибо, мужики, выручили! – К операм подошёл Артём и пожал им руки. – Вот, держите. Здесь три тысячи.

– Фигасе! – Присвистнул Михалыч. – А сколько он тебе дал?

– Пять тысяч. Вас трое, за вашу помощь каждому по тысяче...

– Нам денег не надо, оставь себе. Этот хмырь сейчас нам другой подарок вынесет. – Сказал Михалыч. Они записали данные Артёма, дали ему свои «визитки».

– Обращайтесь, если что. Чем смогу, помогу! – На прощание сказал Артём, после чего, заровняв оставшийся холмик грунта, уехал.

Затем они обменяли дискету на свои дела (и забрали представление. Уже напечатанное, только без исходящего номера), и довольные ушли в ресторан. Там они обрадовали коллег этим сюрпризом – возможность получить премию была уже существенно выше. Праздновать с такой новостью стало гораздо веселее...

Артём через неделю уволился, и стал работать у дяди. У того, в свою очередь, началась стройка. Степан сдержал слово и занялся строительством гаража, параллельно ещё и вскопав огород. Цыплята росли быстро, чем радовали своего хозяина. Степан починил сарай, чтобы выросшие птенцы могли свободно там разместиться, подумывал уже и о покупке поросят. «Этих доить не надо. Покормить вовремя и убрать за ними. А потом продать», – размышлял он. По меркам деревни, Степан стал неплохо зарабатывать, так как зарплаты у многих в деревне вообще не было из-за отсутствия работы. Степа купил новую одежду, новый телевизор, да и вообще стал завидным женихом...

Опера получили-таки вместо взыскания ежегодную премию. Умановский после ремонта, продал свою «одиннадцатую». «Какая-то она несчастливая», – решил он.

А в феврале 2002 года Андрей уехал на первую заочную сессию, сдавать экзамены и зачёты. Но это уже совсем другая история...

«ИППУ или богатая фантазия»

«Чем больше я знаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю»

Сократ

На первую «заочную» сессию Андрей прибыл с опозданием на три дня. И то, начальство не отпускало, пока не раскроет «убийство Кеннеди», или другой какой подвиг совершит. Но, отпустило... Начальство...

Лекции прошли незаметно, да и ничего нового в них не было. Вообще, новых учебных предметов для Андрея в институте не было, так как в техникуме он проходил те же самые уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, трудовое право и им подобные. Даже конспекты по некоторым предметам вести не пришлось – он просто брал тетрадь по определённому предмету и наблюдал, как преподаватель с трибуны повторяет слово в слово то, что читала группе 46-ХПД, например, Анна Евгеньевна. Видимо, учебники были одинаковые, или лень было что-то новое в институте преподавателям объяснять. Поэтому, заочные сессии для Андрея проблем не представляли, и он к экзаменам практически не готовился.

Накануне вечером, он позвонил товарищу по группе, чтобы узнать расписание занятий и экзаменов с зачётами. Тот по телефону сообщил, что завтра экзамен. Название по телефону (Андрей к этому времени приобрёл свой первый телефон у корефана Стаса – «Сименс А-35», чем был горд до безобразия) разобрать не смог, показалось, что предмет – УПП (уголовно-процессуальное право), поэтому особо и не переживал. И даже конспекты не открывал.

Перед дверью в учебную аудиторию столпились вчерашние курсанты, а ныне – слушатели заочного отделения, уже офицеры, но ещё не юристы.

– Кто экзамен принимает? – спросил Андрей у Марата Курбатова.

– Нина Ивановна.

– Разве она преподаёт уголовно-процессуальное право? – удивился Андрей.

– Нет. А причем здесь уголовно-процессуальное право? Мы сегодня ИППУ сдаем. – «Порадовал» Андрея Марат.

– Это что за буквы такие страшные? – Андрей уже не удивлялся, и пытался понять, почему на заочном отделении существуют непонятные предметы.

– История политических и правовых учений, – вразумил непонятливого слушателя коллега по курсу, не внося, однако, для Андрея ясности в понимании сего предмета. Каждое слово в отдельности, Андрей мог понять и объяснить, но когда эти слова находились «в связке», приобретали неведомое для него значение. Точнее, были набором слов. И он решил пойти в первой «шестёрке» последним, чтобы хотя бы по ответам первых отвечающих понять смысл и содержание предмета, сориентировавшись по обстановке. На «заочке» сверхсложных предметов не должно быть, и Андрей надеялся на благополучный исход.

– Билет №11.– Произнёс он, вытянув бумажную полоску шириной пять сантиметров. – Вопрос №1: «Различия в учениях материалистов и ...истов».

Второе название «...истов» Андрей, как сразу не понял, так и забыл вскоре после экзамена. Не в этом суть. «Материалисты» были и в учениях философов, и в курсе политологии, социологии и Римского права. Но, были ли это одни и те же мыслители, он сомневался. Во втором вопросе, даже слова были какие-то незнакомые, и от того пугающие. Можно было только догадываться об их значении и фантазировать на тему, играя знакомыми словами. Оставалось надеяться, что показания первых допрашиваемых Ниной Ивановной, внесут какую-либо ясность в понимании этого неведомого предмета. Надо отметить, что Нина Ивановна, педагогом была (она и сейчас работает, долгих лет ей жизни, и успехов в работе! Просто институт расформировали) строгим и принципиальным. Взятки не брала и терпеть не могла лентяев и выскочек. Первым отвечать захотел (да, собственно, первым и ворвался в аудиторию из первой «шестёрки») Вася Муразов. Была у него такая привычка – садиться за парту и отвечать с чистым листком, показывая тем самым: «У меня все знания в голове, зачем я буду листок портить и время терять». Андрей считал это поведение «дешёвым понтом», и никогда так не делал. Лучше ещё подумать, вдруг умные мысли посетят... пошлытся что-то с соседних рядов... Да и к экзаменам Андрей обычно готовился, а этот был внезапен, как избрание Брюса Уиллиса Президентом США. Вроде бы и не страшно, но не знаешь, чего ожидать...

Увидев пустой листок и самодовольную уверенность Муразова в успешной сдаче экзамена, Нина Ивановна, внешне сразу (но почему-то незаметно для Васи и других) изменилась. Её лицо приобрело сосредоточенно-суровое выражение. Андрей уже видывал такое выражение лица у начальников, и это не сулило для Василия ничего хорошего. Вася бодро начал отвечать, будто читая с открытой книги. Складывалось ощущение, что он тупо выучил книгу, словно стихотворную поэму, зачитывая наизусть главы согласно вопросам билета. Через минуту, он запнулся и замолчал. Вместо заученного текста стали слышны: «ЭЭЭ...Ну...Дескать... так скажем...». Андрей в это время представлял, что в голове у Васи («а что ещё делать, по предмету-то ничего не узнал ещё?») имеется механизм с шестерёнками. И сначала всё было исправно, и они вертелись в обычном темпе, вследствие чего изо рта Васи вылетали слова текста. Но тут, между шестерёнками попал камушек («а может и взгляд Нины Ивановны смутит?»), и механизм заело, поэтому и тот перестал воспроизводить текст. Что подумала Нина Ивановна, было неясно, но по лицу было видно, что она недовольна ответом.

– На первый вопрос вы не ответили. Отвечайте на следующий вопрос.

Видимо, в голове у Васи обрушился вал камней, так как механизм окончательно заело, и ответа на второй вопрос не последовало.

– Э... Ну.. Это... Так, сказать..., – смог выдавить покрасневший Муразов.

– На второй вопрос вы также не ответили. И вы считаете, что можно вот так, с пустым листом садиться отвечать?! Я пятнадцать лет преподаю, в том числе и этот предмет. И всегда готовлюсь, будь то лекция, семинар или прием экзаменов, либо зачётов. И никогда себе не позволяла прийти без подготовки. Вы – всего лишь выучили текст, ничего в нём не понимая.

Я оцениваю не свойство запоминания вами текста, а наличие знаний и ориентирование в сущности и понятии предмета.

Взгляд Нины Ивановны метал молнии в Муразова, но ему было достаточно и слов, что она ему сказала. На него было жалко смотреть, но все готовились к его участи, и на него не смотрели, писали что-то в листках. Ох, зря он с пустым листком сел...

Тучи над головой Васи сгустились, и готовы были обрушиться градом на его голову. Впрочем, как и на любую другую, так как Вася своё место покинул, а тучи не рассеялись. В аудитории воцарилась мёртвая тишина; водрузила своё мёртвое тело на невидимый трон и воззрилась пустыми глазницами на присутствующих, заполняя своим присутствием пустоту. Мухи постеснялись нарушать зловещую тишину и сами притворились мёртвыми, упав у оконной рамы и незаметно поглядывая за обстановкой одним из (восьми? шестнадцати?) глаз под полуприкрытыми веками. Молекулы кислорода, азота и других составляющих воздуха также прекратили свое (но, все же, Броуновское) движение. Всё замерло в предвкушении неизбежного. Тишина в аудитории стояла такая, что слышно было стук сердца соседа, а также тиканье часиков на руке Нины Ивановны...

Поняв, что Вася, своим ответом, «не пролил света на тайну смысла страшной аббревиатуры – ИППУ», Андрей принялся судорожно выводить на своём листе каракули, заполняя его, если и не смыслом, то, хотя бы визуальным текстом. Хотя, ответ Васи не открыл страшной тайны значения предмета, но Андрей, всё – же надеялся, что последующие испытуемые внесут хоть какую-нибудь ясность. Пятеро перед Андреем отвечающих, окончили «очку» с красными дипломами, и он разумно предполагал, что на Васином примере они не повторят его ошибок, и выскажут вслух разумные мысли, для него самого полезные. Зря надеялся и предполагал. Ибо, последующие двое, по очереди мямлили что-то несуразное, вследствие чего («да и сам бы выгнал») с позором покинули кабинет. Наверное, камнепад случился, с селом и оползнем, вот механизм и вышел из строя. Скорее всего, тоже учили, да не вникали. А может, стресс после увиденного... Четвёртая потенциальная жертва коварного предмета «ИППУ» – Дэнчик Маркин... Просто встал и направился к двери.

– Молодой человек, вы куда? – недоумённо вскинув брови, спросила Нина Ивановна.

– Я понял, что сегодня – не мой день, – ответил тот, положил билет на край парты, и быстро покинул аудиторию.

Андрею заполнить свой лист ответом было затруднительно, так как ничего не было из информации полезного, что он хотел бы услышать. Поэтому, он переписал оба вопроса крупными буквами, остальное пространство заполнив многозначительными каракулями, больше похожими на кардиограмму старого ловеласа, вспомнившего о своих похождениях во время снятия этой самой кардиограммы. Последней надеждой, был Женёк Макаров, после которого Андрею самому предстояло блеснуть знанием неизвестного предмета...

К сожалению, боевого товарища постигла та же участь. Двойки шли уверенной колонной, на лице Нины Ивановны, кроме бывших эмоций, добавилась и скука. «А дальше – будет хуже. Эта «пятёрка храбрых» была элитой. Дальше двойки можно ставить сейчас и всем», – думал Андрей, приближаясь со своим листком к столу Нины Ивановны и собираясь отвечать, не зная, что.

«А что я теряю? – уже не в первый раз за свою жизнь, подумал он. – «Предмет я не учил, даже учебника не видел. Камнепад – точно не случится, может, и скажу что интересное. Покинуть кабинет с «парой» я всегда успею». И сел за парту отвечать, уже расслабившись. Начал компилировать, микшировать и жонглировать словами и терминами, заимствуя их из философии, политологии, римского права, ТГП и т.п. «Должно же быть что-то общее, раз слова знакомые», – полагал Андрей.

Так он сдавал бухучет суровой преподавательнице в технаре. Но там помог гипноз и монотонное бухтение, вкуче со знакомыми для преподавательницы словами... Что, в принципе, для человека внушаемого, одно и то же.

Но Нина Ивановна была из числа тех преподавателей, кто остановит взглядом вырывающуюся из шахты ракету с ядерным боезарядом, но не допустит ответа, её не устраивающего. На удивление Андрея, Нина Ивановна, в ходе его повествования, слушала его внимательно, и не перебивала. Суровая сосредоточенность сменилась на удивление и некую заинтересованность...

«Не всё потеряно, я ещё в аудитории. Неужели, я всё угадываю и говорю по теме?» – сам себе удивлялся он.

Когда жонглировать было нечем, а слова с незнакомыми терминами пошли по третьему кругу, Андрей сказал, что на первый вопрос, он ответ закончил.

– Хорошо, переходите ко второму вопросу, – сказала Нина Ивановна.

Андрей уже окончательно расслабился («не совсем, но не изгнан же с позором! Уже хорошо») и стал вести беседу, словно со старым знакомым. Вообще, когда Андрея «проби-вал словесный понос», он говорил всё, что думает, и обо всём. Может быть, здесь случилось именно так. Не понимая смысла вопроса, Андрей принялся рассуждать о политике глобализма, мировой политике вообще, геополитических процессах и учениях философов, которые (учения), подвергал сомнению. Нина Ивановна не перебивала, и смотрела не него так, слово он был барашком в стаде, который вдруг принялся играть на гитаре и распевать балладу собственного сочинения. По крайней мере, смотрела с интересом, внимательно слушая ту ахинею и поток информации, (вообще не связанной с ИППУ), которые «выливал» Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.